

Александр I

1. Возникновение легенды

Девятнадцатого ноября 1825 г. в 10 часов 50 минут утра во время своего путешествия на юг, вдалеке от столицы, в заштатном маленьком городке Таганроге скончался император Александр I.

Эта смерть была полной неожиданностью не только для российских верхов, но и для простого люда, который бывает весьма досконально и порой безошибочно осведомлен о событиях, происходящих в самых верхних эшелонах власти, буквально потрясла страну.

Государь умер на сорок восьмом году жизни, полный сил; до этого он никогда и ничем серьезно не болел и отличался отменным здоровьем. Смятение умов вызывалось и тем, что в последние годы Александр I поражал воображение окружающих его людей некими странностями: он все более и более уединялся, держался особняком, хотя сделать это в его положении и при его обязанностях было чрезвычайно сложно, близкие к нему люди все чаще слышали от него мрачные высказывания, пессимистические оценки. Он увлекся мистицизмом, практически перестал с прежней педантичностью вникать в дела управления государством, передоверив во многом эту важную часть своих дел всесильному временщику А. А. Аракчееву.

Его отъезд в Таганрог был неожиданным и стремительным, к тому же происходил в таинственной и неординарной обстановке, а болезнь, постигшая его в Крыму, была скоротечной.

К моменту смерти выяснилось, что вопрос о престолонаследии Российской империи находится в неясном и противоречивом состоянии в связи с последними распоряжениями Александра, и это породило неразбериху во дворце и сумятицу в структурах власти.

Последующее воцарение императора Николая Павловича, бывшего третьим по старшинству из четырех сыновей Павла I и вставшего на

престол в обход своего старшего брата Константина, восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге, арест заговорщиков по всей России, среди которых были и представители самых титулованных русских дворянских фамилий, столь же неожиданная для многих и быстрая кончина жены Александра, умершей через полгода после смерти супруга в Белеве по дороге из Таганрога в Петербург, дополнили тревожную череду событий, открывшихся смертью Александра I.

Гроб с телом императора находился еще в Таганроге, а слухи один тревожнее и удивительнее другого ползли от города к городу, от селения к селению. Как справедливо заметил историк Г. Василия, "молва бежала впереди гроба Александра".

Этому способствовало и то, что тело императора не было показано народу. Гроб для прощания с покойным был открыт лишь глухой ночью. Такова была воля великого князя Николая Павловича, взявшего после смерти брата все нити управления страной в свои руки.

При продвижении траурной процессии к Туле появился слух, что фабричные рабочие намереваются вскрыть гроб. В Москве полиция приняла строгие меры для предупреждения беспорядков. К Кремлю, где в Архангельском соборе среди гробниц русских царей стоял гроб с телом Александра, были стянуты войска: пехотные части расположились в самом Кремле, а кавалерийская бригада была дислоцирована поблизости; вечером ворота Кремля запирались, у входов стояли заряженные орудия.

Сохранилась записка о слухах в связи со смертью Александра I. В ней, с одной стороны, говорится, что "император был убит своими верноподданными „извергами" и „господами", близкими к нему людьми, с другой — что он чудесным образом избежал уготованной ему гибели, а вместо него был убит другой человек, который и был положен в гроб. Говорилось, что государь уехал в „шлюпке в море", что Александр жив, находится в России и будет сам встречать „свое тело" на тридцатой версте от Москвы. Называли и людей, которые сознательно, спасая

своего императора, пошли на подмену: некий его адъютант, солдат Семеновского полка. Среди тех, кто был похоронен вместо императора, упоминался и фельдъегерь Масков, доставивший императору в Таганрог депеши из Петербурга и погибший буквально у него на глазах 3 ноября, за шестнадцать дней до смерти самого Александра, когда коляска, в которой ехал фельдъегерь вслед за экипажем царя, налетела на какое-то препятствие и вылетевший из нее Масков получил перелом позвоночника.

Затем слухи поутихли, но уже с 30-40-х гг. XIX в. вновь стали циркулировать в России. На этот раз они шли из Сибири, где в 1836 г. появился некий таинственный бродяга Федор Кузьмич, которого молва стала связывать с личностью покойного императора Александра I.

В 1837 г. с партией ссыльнопоселенцев он был доставлен в Томскую губернию, где и обосновался близ г. Ачинска, поражая современников своим величавым видом, прекрасным образованием, обширными знаниями, большой святостью. По описанию это был человек примерно одного возраста с Александром I, выше среднего роста, с ласковыми голубыми глазами, с необыкновенно чистым и белым лицом, с длинной седой бородой, с чрезвычайно значительными чертами лица.

В 50—е — начале 60-х гг. молва стала все чаще отождествлять его с покойным императором; рассказывали, что находились люди, близко знавшие Александра I, которые прямо признавали его в облике старца Федора Кузьмича. Говорили о его переписке с Петербургом и Киевом. Были отмечены и попытки отдельных лиц вступить в контакт с царской семьей, с императором Александром II, а затем с Александром III, с тем чтобы довести до сведения царской семьи факты, связанные с жизнью старца Федора Кузьмича.

В истории сохранились смутные данные о том, что эти сведения доходили до царского дворца и там затухали самым таинственным образом.

20 января 1864 г. в возрасте около 87 лет старец Федор Кузьмич скончался в своей келье на лесной заимке в нескольких верстах от

Томска и был похоронен на кладбище Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря.

На этом, однако, история со старцем не кончилась. Его могила стала средоточием большого общественного притяжения и паломничества, бывали здесь и представители династии Романовых. В свое время, являясь наследником престола, ее посетил и Николай II во время своей поездки по Сибири.

Одновременно в семье потомков фельдъегеря Маскова существовало прочное предание о том, что в соборе Петропавловской крепости в Петербурге — усыпальнице русских императоров с XVIII в. — вместо Александра I похоронен именно Масков.

Шли годы, но интерес к "загадке Александра I" не убывал. И в многотомных сочинениях, посвященных истории его царствования, и в отдельных книгах и статьях вопрос о таинственной смерти Александра I в Таганроге неизменно становился предметом дискуссии. Со временем, однако, акцент этой дискуссии заметно менял свое направление. С появлением легенды о Федоре Кузьмиче и тождестве его с Александром I дискуссия приняла ярко выраженную идеологическую окраску: речь шла о династической тайне, о человеке, который, возможно, резко выбивался из ряда царствовавших Романовых, что приобретало особый смысл в условиях начала XX века, когда судьба династии стала острейшей общественной проблемой и едва ли не программной частью почти всех крупных политических течений страны.

Не случайно, видимо, представитель именно этой династии — великий князь Николай Михайлович Романов, видный историк и крупный биограф Александра I, выступил в 1907 г. в "Историческом вестнике" со специальной статьей "Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича", в которой защищал официальную версию ухода из жизни своего пращура. При чтении этой статьи трудно отказаться от впечатления, что титулованный автор выполнял официальный заказ правящего дома, устраняя возможные нежелательные аллюзии в связи с возможным уходом от власти одного из

наиболее ярких представителей правящей династии.

Следом за появлением этой статьи едва ли проходил год, чтобы историки, психологи, журналисты не обращались к этой теме.

Не угас интерес к этому сюжету и после революции. Правда, он как бы разделился на два потока: советский и эмигрантский.

В 20-е годы в Советском Союзе периодически выходили в свет публикации, посвященные личности Александра I, истории его царствования. Я имею в виду книги А. Е. Преснякова "Александр I", К. В. Кудряшова "Александр Первый и тайна Федора Кузьмича", статью Н. Н. Фирсова "Александр Первый" и ряд других материалов.

Все они носили в основном разоблачительный, "негативный" по отношению к Александру I характер. Именно с этих позиций авторы тех лет полностью отрицали какую-либо связь между личностью Александра и таинственным сибирским отшельником; они просто не могли допустить мысли о таком необычном и высоком движении души человека на троне, как принятие решения об уходе от власти. Такая заданность, конечно, во многом ограничивала анализ личности Александра I, даже независимо от его причастности к существующей легенде.

Эта линия была продолжена в советской историографии и в дальнейшем: в тех случаях, когда советские авторы обращались к истории царствования Александра I, вопросы, связанные с болезнью и смертью императора, проговаривались скороговоркой и сопровождались, как правило, отсылками к тем работам, в которых, по общему мнению, была доказана легендарность всех иных точек зрения по сравнению с официальной правительственной, выраженной еще в том же 1825 году. Так советские историки в этом вопросе сомкнулись с династической историографией Романовых, хотя мотивы как одного, так и другого подходов были диаметрально противоположными.

Эмигрантские историки, напротив, всячески стремились вдохнуть в легенду о добровольном уходе Александра от власти новую жизнь. В эмигрантских журналах 20-60-х гг. неоднократно появлялись публикации на эту тему — как "про", так и "контра". "Интерес к этой легенде в

известных кругах русской эмиграции, — писал эмигрантский автор Н. Кноринг в статье „По поводу александровской легенды“, — принял какое-то страстное направление, становится очень заманчивым иметь среди представителей павшей династии образ, „осененный лучами святости“, явившейся в результате „потрясающего эпилога“ драмы, „основным мотивом которой служило бы искупление“. Сказано довольно откровенно, и это еще раз подтверждает, что сама проблема давно уже оторвалась от личности как Александра I, так и Федора Кузьмича и приняла самостоятельное идеологическое звучание.

Но за всеми этими народными легендами, идеологическими борениями, политическими расчетами все равно неизменно проступает подлинная личность Александра, личность, отодвинутая в тень, как бы стушеванная народным примитивным сознанием, дифирамбами и слезливой идеализацией его дореволюционной историографии, реабилитирующей причуды императора, династическим подходом, уничтожающей классовую критику советской исторической школы.

И все же не только этими весьма односторонними, весьма заданными экскурсами в историю жизни Александра I характерны посвященные ему строки. Их, этих строк, немало, диапазон их намного шире, и написаны они самыми разными людьми — и историками, и его личными друзьями — позднейшими мемуаристами, и близким к нему "служебным" окружением; его облик воссоздается и по эпистолярному наследию, дневниковым записям.

Читатель вправе, конечно, задать вопрос: а зачем, собственно, понадобился еще один исторический экскурс, который вновь возвращает нас к старым, давно описанным сюжетам, зачем нам сегодня заниматься этой коронованной личностью, которой история, кажется, уже вынесла свой окончательный приговор, многократно прозвучавший в отечественных учебниках истории, в многочисленных монографиях и статьях. И зачем ворошить какую-то древнюю легенду о том, что русский царь ушел в отшельники и умер в далекой Сибири под именем Федора Кузьмича, и начинать историческую биографию царя именно с этой

легенды?

Ответим на этот вопрос сразу.

Слухи и легенды, возникшие вокруг жизни и смерти Александра I, представляют непреходящий интерес потому, что за ними стоит живая историческая личность, притом личность не рядовая, а один из крупнейших государственных деятелей Европы первой четверти XIX в. — эпохи наполеоновских войн, европейских реставраций, революций, эпохи назревания в России масштабного антиправительственного заговора, вылившегося в конце концов в восстание 14 декабря 1825 г., эпохи нарастания кризиса крепостного хозяйства и консолидации дворянства, со страхом и ненавистью воспринимавшего всякие разговоры о реформировании государственного устройства России, ограничении самодержавной власти, ликвидации крепостного права в стране.

Для нас важно вовсе не то, действительно ли ушел от власти Александр I и действительно ли он обрелся до конца своих дней под именем старца Федора Кузьмича. Если такой факт и состоялся, если и в самом деле в Таганроге произошла подмена царя и выздоровевший государь исчез, с тем чтобы более не возвращаться в свой старый мир, то опровергнуть этот факт, несмотря на кажущуюся простоту, весьма трудно; если он действительно стал династической тайной, то все аргументы "против", все эти свидетельства, сопоставления, протоколы, признания и прочее не стоят и ломаного гроша. Романовы умели хранить свои тайны. Но повторяю, этот вопрос нас занимает лишь во вторую очередь. Важно другое: как могло случиться, что в России — стране с одним из самых устоявшихся абсолютистских режимов, одним из самых мощных репрессивных аппаратов, едва ли не последнем мощном оплоте европейской реакции, могли возникнуть подобные слухи и подобная легенда? И в отношении кого? Могучего властелина, государя, сломавшего хребет наполеоновской военной машине, императора, находившегося на пике своей власти, в ореоле громкой всероссийской и европейской славы.

Особенно удивительно, что с Александром были связаны народные слухи

о преследовании его "верноподданными извергами", а это непременно предполагает, что в народной среде циркулировали какие-то сведения о нем как о защитнике "униженных и оскорбленных". На пустом месте подобного рода легенды, как бы фантастичны они ни были, не возникают. И закономерно, что в каком-то, пусть и очень преломленном, виде в них отражаются элементы, осколки вполне реальных исторических ситуаций.

И вправду, так ли уж часто в русской истории имя царя народная молва связывала с некими деяниями в пользу народа? При всем напряжении памяти на ум могут прийти едва ли два-три таких случая, и все они связаны не только с определенными, порой коренными поворотами в истории именно народных масс, но и с весьма характерными личностными параметрами государей, ставших в центре народных легенд.

Прежде всего здесь следует сказать, видимо, о времени конца XVI — начала XVII в., когда крепостническое законодательство времен Ивана Грозного — Федора Ивановича пробудило в народной среде столь яростное сопротивление, что достаточно было возникнуть самой, казалось бы, странной фантазии о спасении царевича Дмитрия, избежавшего гибели от рук тех же "верноподданных извергов", и низы пришли в грозное движение. И любопытно, что свои надежды они связывали не с неплохим и в общем-то незлобивым человеком — царем Федором Ивановичем, не с Борисом Годуновым, который, остерегаясь народного взрыва, пошел в начале XVII века на некоторые послабления в отношении суровых закрепостительных актов. Нет, все свои надежды народ связал с мальчиком, потом с юношей, который не имел никакого отношения ни к правительству Грозного, ни к правительству Федора — Годунова.

Как известно, Иван Грозный умер при весьма загадочных обстоятельствах, вслед за ним тихо угас царь Федор, и совсем уж откровенным убийством веет от кончины Бориса Годунова, ушедшего из жизни в тот момент, когда мятеж Лжедмитрия I набрал полную силу и его

войско двигалось на Москву.

Но народная молва осталась безразличной к каждому из этих правителей, как промолчала она и по поводу весьма просвещенного царственного юноши, сына Бориса Годунова — Федора, убитого сторонниками Лжедмитрия вскоре после смерти отца. И дело здесь объясняется весьма просто — ей нечего было сказать; ни один из них ни в малейшей степени не дал повода для каких бы то ни было народных надежд, народных фантазий, как не дали для этого повода и десятки других российских правителей в течение долгой и многострадальной российской истории.

Молва выбрала мальчика, на чью жизнь покушались как раз те, кто принес народу величайшие бедствия, голод и разруху, а его чудесное спасение, казалось, само по себе уже было достаточной гарантией для того, чтобы опрокинуть существующий порядок вещей.

Ради этого казаки, крестьяне, холопы, беглые люди, ярыжки шли под знамена Лжедмитрия, а потом его "воеводы" — Ивана Болотникова; начиналась великая русская "смута", в которой грозный голос народа звучал с огромной силой.

Другая аналогичная ситуация сложилась во второй половине XVIII в., когда облик убитого высокопоставленными заговорщиками Петра III принял на себя беглый казак, каторжник Емельян Пугачев. Снова самозванщина, снова народный бунт, в основе которого лежал народный протест против крепостнических законов второй половины века, решительного наступления дворянства на права и личность крестьянина, рабочего человека.

И снова народная молва в свои герои выбрала не свергнутого и заточенного чуть не с колыбели в Шлиссельбургскую крепость, а позднее убитого Ивана Антоновича, не разного рода случайных отпрысков высоких династий, а, кажется, наименее подходящего человека — Петра III, у которого по сравнению со всеми другими "конкурентами" в народной представлении было лишь два преимущества, но таких, которые имели в этом смысле решающий перевес. В личном плане, как

бы его ни чернила екатерининская пропаганда, это был незлобивый человек, государственный деятель, вовсе не обладавший теми качествами, которые делают человека власти человеком власти: жестокостью, необузданным властолюбием, беспринципностью, лживостью, почти животной приспособляемостью к быстро меняющимся обстоятельствам, сильной волей, умением переступить через вчерашних союзников и друзей ради достижения своих собственных целей. Петр III не обладал ни одним из этих качеств. Зато ими сполна обладала его соперница — жена Екатерина II.

За два года своего правления не запомнился он и каким-либо антинародным законодательством; весь страшный гнет крепостнического ярма второй половины века прошел как-то мимо его имени; зато этот гнет в народном сознании был тесно увязан с деятельностью устранившей его от власти Екатерины, которую уже тогда называли дворянской царицей. Поэтому не сразу, постепенно, в нужный момент молва подсказала народному негодованию и жертву и палача: Петр III стал жертвой, пострадавшей за народные интересы, за желание освободить крестьян, а узурпаторша Екатерина получила благодаря этой же молве величайшие народные проклятия. Эту свою неожиданную славу народного заступника Петр III заслужил кровью. Таковы парадоксы истории.

Последующая Пугачевщина, ужаснувшая дворянскую Россию, показала удивительную правильность и своевременность народного выбора, его необычайное чутье на личности, несмотря, кажется, на глубокую тайну, окутывающую правящий Олимп с его жуткими антинародными, античеловеческими делами.

Поэтому, говоря о личности и деятельности Александр I, мы никак не можем абстрагироваться от тех черт его характера, привычек, от тех сторон его мирозерцания, которые хоть в какой-то мере отвечают этой народной молве. Следует еще и еще раз внимательно взглядеться в некоторые стороны его внутренней политики и задать вопрос: а нет ли прямой связи между этой упорной народной молвой и теми или иными

действиями императора, не подал ли он невзначай повод для определенных слухов, которые позднее всерьез встревожили правящие круги России?

В свое время Н. Кноринг прозорливо писал: "В этих слухах сквозит определенная социальная тенденция, тоже хорошо нам знакомая: это дело дворян, боящихся государя как защитника крестьянства от угнетателей-господ". Как раз вот эту самую связь между данной социальной тенденцией и личностью императора и игнорировала отечественная историография по самым различным мотивам, уже отмеченным выше. Ее невыгодно было вскрывать официальным историкам — биографам Александра I, вроде Шильдера или Богдановича, неприемлема она была и для титулованного автора великого князя Николая Михайловича, с негодованием отвергала ее либеральная историография начала XX века, и, конечно, никак уж не смогли принять ее советские историки, для которых личность Александра I ассоциировалась прежде всего с деятельностью реакционного, на их взгляд, Священного союза, аракчеевщиной с ее военными поселениями, шпицрутенами, робкими либеральными потугами в начале царствования и махровой реакцией в конце, со зловещими фигурами Магницкого, Рунича, Фотия, Голицына (об этом ниже), что позволяло говорить о повороте в политике Александра I в сторону реакции и мракобесия.

И все же кажется, что ни одна из этих оценок, применяемая к личности Александра, не представляется безупречной именно потому, что они не связаны с ответом на вопрос, поставленный выше: как случилось, что именно этот монарх в народном сознании, причем на долгий период времени, предстал в ореоле мученика и народолюбца?

Можно, конечно, уйти от этого вопроса и сделать вид, что его в истории вовсе не существует и не следует заниматься какими-то пустяками по сравнению, скажем, с реставрацией Бурбонов или жестоким подавлением восстаний военнопоселенцев. Но вопрос этот есть, причем вопрос тонкий и щепетильный, затрагивающий, возможно, какую-то не прочувствованную и недостаточно изученную сторону личности этого

человека на троне. И на него надо отвечать, как и на многие Другие, касающиеся биографии Александра I.

2. Счастливый "господин Александр"

12 декабря 1777 г. 201 пушечный выстрел с фортов Петропавловской крепости и Адмиралтейства возвестил России и всему миру о рождении первенца в семье цесаревича Павла Петровича, первого внука императрицы Екатерины II, а значит, и будущего наследника российского престола. В те дни в Санкт-Петербурге произошло губительное наводнение. Сильный ветер преградил путь течению реки. Напор воды взламывал лед, черная, ледяная, она устремилась на город, повергая в ужас и смятение его обитателей, но в Зимнем дворце не обратили внимания на капризы природы. Там шло шумное празднество. В честь великого события в августейшей семье был отслужен благодарственный молебен в придворной церкви.

Затем последовало крещение. По настоянию императрицы новорожденному было дано имя Александр — в честь воина и святого, великого сберегателя Руси и страстотерпца за Русскую землю Александра Невского. При этом Екатерина писала своему постоянному корреспонденту, видному французскому писателю и просветителю барону Гримму, что она убеждена в правильности мнения тех, кто считает, что имя влияет на судьбу человека; "что до нашего имени, то уж оно-то прославлено, его носил даже кто-то из матадоров". Так уже в этих первых движениях души великой императрицы в связи с рождением младенца проглядывают ее невероятные претензии и страстная надежда на то, что внук достигнет в жизни и царствовании огромных высот. Несомненно, здесь проявился и ущемленный комплекс материнства Екатерины, ее несчастливая доля матери в связи с рождением и воспитанием собственного сына Павла, рождение которого оставило в истории смутный след, обросло всевозможными слухами, но достоверно сопровождалось тем странным обстоятельством, что Елизавета, по существу, отняла сына у Екатерины и взяла его воспитание в

собственные руки. Ненависть Екатерины к сыну зародилась уже в это время и поддерживалась небрежением и унижением, в которых находилась Екатерина при дворе Елизаветы, а позднее при своем ненавистном супруге, отце Павла Петре III. Павел активно пестовал это противоестественное чувство, выказывая к матери всю свою нелюбовь и полное неприятие тех ценностей, которым поклонялась Екатерина. Именно ему принадлежат слова, сказанные о России во время его европейского путешествия: "Законы в России? В стране, где та, которая царствует, остается на троне лишь потому, что попирает их все?"

В конце жизни Екатерины ее ненависть к сыну обострилась: стареющая царица, просидевшая на русском троне ни много ни мало тридцать четыре года, чувствовала, что Павел — ее законный и единственный наследник — тем ближе к этому трону, чем старее и немощней становилась сама Екатерина. Для правительницы видеть неодолимость наступления ее соперника сына было, вероятно, совершенно невыносимым чувством, перед которым могли померкнуть интересы государства, интересы династии. Особенно невыносимо было это видеть и понимать, когда на ее глазах подрастал любимый внук, голубоглазый херувим Александр.

По существу, история с Александром повторила, но лишь в более жестоком и циничном варианте, взаимоотношения Екатерины и Елизаветы. Екатерина, восполняя свои несостоявшиеся материнские чувства, отняла у молодой семьи как первенца, так и второго сына Константина, который появился на свет двумя годами позже, поселила их подле себя в Царском Селе, вдалеке от родителей, которые обретались в своих дворцах в Павловске и Гатчине и редко появлялись при "большом дворе".

В 1777г. цесаревичу было двадцать три года, его супруге Софье-Доротее-Августе, дочери герцога Вюртембергского и племяннице прусского короля Фридриха II, исполнилось восемнадцать лет. В России она приняла православие и имя Марии Федоровны. Юная принцесса стала второй женой Павла Петровича. Первую он потерял год назад во

время ее родов. Павел был нервен, импульсивен, вспыльчив, порой непоследователен в своих словах и действиях, хотя временами являл примеры прямодушия и великодушия, чем-то напоминая своего незадачливого отца, который явно не справился с бременем власти, но, по мнению историков последних лет, вовсе не был тем монстром, каким позднее изобразила его сама Екатерина и последующая официальная историография и близкая к Екатерине мемуаристика. Мария Федоровна являла собой образец совсем иного свойства. Это была высокая, статная, грациозная женщина с большими спокойными светлыми глазами и замечательным цветом и изящным овалом лица. Казалось, она распространяла вокруг себя атмосферу доброты, нежности, радости, оптимизма. Всегда спокойная, уравновешенная, Мария Федоровна буквально привела в восторг петербургский двор. Но за этим безмятежным взором, хрупкостью нимфы таился железный характер, негибкая воля, зрелый и здоровый ум, и будущее это неустанно подтверждало. Судьбе было угодно, чтобы ее первенец как раз отразил все основные черты матери — ее внешность, характер, волю и ее недюжинный ум. И еще — сбалансированность ее натуры, неторопливый, но основательный ее ритм.

Многое, видимо, Александр взял и у своей бабки, которая показала себя женщиной, с одной стороны, страстной и увлекающейся как в личном, так и в политическом плане, а с другой — взвешенной, рассудочной, холодной, невероятно хитрой и изворотливой, но прежде всего — обладающей также большим умом и неженской твердостью и жестокостью. Наследование Александра, как показала вся его жизнь, шло, кажется, по женской линии. Зато Константин во многом напоминал резкого, экстравагантного, неуравновешенного и прямолинейного отца.

Возможно, Екатерина сразу же почувствовала в младенце родственную душу, те черты, которые импонировали ей больше всего и от которых она, сравнивая внука и сына, была в полном восторге. "Я без ума от этого малютки, — пишет она вновь Гримму. — Как он весел и доброжелателен! Уже с этих пор старается о том, чтобы понравиться", "в

голове у этого малыша зреют мысли исключительной глубины", "это чудо-ребенок... Александр мог бы послужить художнику моделью Купидона...". Александр по несколько часов в день проводит в покоях императрицы. Она на него буквально не надышится. С первых дней Екатерина стала величать внука "господин Александр", и этот "господин" доставлял ей только радость. Когда Александр был в возрасте семи с небольшим лет, Екатерина писала о нем: "Я убеждена, что Александром будут всегда и в полной мере довольны, так как он соединяет большую уравновешенность характера с удивительной для его возраста любезностью. У него открытое, смеющееся, приветливое лицо; его устремления всегда благожелательны; он хочет преуспеть и во всем добивается большего, чем можно ожидать в его возрасте. Он учится ездить на коне, он читает, он пишет на трех языках, он рисует и его ни к чему не принуждают; то, что он пишет — это или история, или география, или что-либо веселое. У него прекрасное сердце. Благодетельством, силой, умом, любезностью, знаниями г-н Александр значительно превосходит свой возраст; он станет, по моему мнению, наипревосходнейшим человеком, лишь бы второстепенности не задержали его успехов..."

Екатерина сама учила его писать и считать, поощряла в царственном отпрыске самые лучшие наклонности. Она с гордостью отмечала, что мальчик любит сельские работы, различные домашние дела, что он выучился рубить дрова, красить, оклеивать обоями стены, знает работу конюха, кучера, умеет пахать, косить, боронить, копать землю, учится столярному делу — и все это легко, красиво, с удовольствием, смехом.

С 1785 г. под присмотром все той же Екатерины Александр, как и Константин, попадают в мужские руки. Генерал-адъютант Николай Иванович Салтыков был назначен воспитателем. Довольно заурядный человек, он отличался большой исполнительностью и преданностью императрице. Другими педагогами великих князей становятся: видный ученый-географ Паллас, законоучитель протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский, человек исключительно образованный, истинный

христианин, основным принципом воспитания которого было правило: "Находить во всяком человеческом состоянии своего ближнего".

Но одновременно и сама Екатерина, и те, кто имел отношение к воспитанию Александра, отмечали, наряду с уже упомянутыми его достоинствами, и такие качества, как излишнее самолюбие, упрямство, хитрость, что уже в детстве могло быть следствием не только его генетических свойств, учитывая характер и склонности и бабки, и матери, и отца, но и совершенно неестественного его состояния между двумя дворами — "большим" и "малым", гатчинским. При внешнем благополучии, всеобщем обожании, Александр с младенческих лет рос в среде, наполненной ненавистью, подозрением, в основе которых лежали отношения Екатерины и Павла. При этом, уже став взрослым, он стал понимать, что борьба идет не просто между отцом и бабушкой, а между правящей императрицей и наследником престола, в которой ему уготована какая-то своя, особая роль. По существу, Александр рос вне семьи, вне материнской ласки; бабушкины восторги и ее деспотическое вмешательство в его воспитание не могли заменить ему настоящего семейного гнезда, а это, в свою очередь, не могло не отразиться на формировании характера будущего императора. Любопытно, что Екатерина была в полной уверенности, что внук боготворит ее. Александр же ни единым словом, ни единым примером не разуверял ее в этом; напротив, всем своим поведением он как бы подкреплял эту уверенность. Но в уме ребенка, потом отрока, потом юноши зрело твердое отрицание всей той системы жизненных ценностей, государственных ценностей, которые олицетворялись с деятельностью и личностью Екатерины. Показательно, что, разрабатывая для Александра и Константина принципы воспитания, императрица сама готовила их к этому результату.

То было время, когда идеи Просвещения властно прокладывали себе дорогу на Европейском континенте. Вслед за рационалистическими идеями английских экономистов и прагматическими идеалами английской революции в Европе зазвучала могучая проповедь французских

просветителей. Многие передовые люди Европы, недюжинные умы того времени откликнулись на идеи Вольтера и Дидро, Руссо и Монтескье. Екатерина II была одной из тех умнейших и просвещеннейших людей своего времени, которая верно оценила неодолимость и историческую обоснованность просветительской идеологии. Но будучи монархом одной из самых отсталых в социально-экономическом, политическом, культурном смысле империй, где мощь консервативного дворянства, бюрократии и слабость третьего сословия в совокупности с застоєм крепостного права определяли лицо огромной многонациональной страны, она прекрасно понимала всю утопичность передовых идей Запада для российской действительности. Ее робкие попытки изменить законополагающую основу страны, созыв с этой целью Уложенной комиссии, ее "Наказ" этой Комиссии, выдержанный в духе просветителей, натолкнулись на мощное сопротивление сильного реакционного дворянства. Восстание Пугачева как бы подчеркнуло несвоевременность для России конституционных идей Запада и заставило императрицу свернуть обозначившиеся в духе времени реформы. Именно ей принадлежат слова: "Великая Империя, подобно России, разрушится, если будет учреждено иное, кроме самодержавного, правление, ибо оно единственное может служить потребной быстроте для нужд отдаленных областей, а всякая другая сторона — гибельна по медлительности действий". При этом Екатерина была, конечно, осведомлена и о таких формах государственного устройства, как демократия, республика, прекрасно знала она труды Монтескье и Руссо с их гуманистическим, свободолюбивым началом и была даже их последовательницей, о чем говорит ее эпистолярное наследие и "Записки", но не применительно к России. Империя, уровень ее социально-экономической и политической жизни диктовали свои законы.

Однако царский двор — это была не империя, и здесь Екатерина могла свободно и без опасений исповедовать столь милые ее сердцу просветительские взгляды. Это полностью отразилось в системе воспитания великих князей.

В архиве Екатерины были найдены заметки, в которых она выразила тот нравственный идеал, который был ей близок и который она, как это показывает весь опыт воспитания Александра, пыталась воплотить в жизнь:

"Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю света, по большей части, оно скромно и прячется в отдалении: добродетель не выказывается из толпы, она не отличается ни жадностью, ни желанием выказаться, о ней забывают. Никогда не окружайте себя льстецами; дайте почувствовать, что вам противны восхваления и самоуничижения. Оказывайте доверенность лишь тем людям, у которых хватит храбрости в случае надобности вам возражать и которые отдают предпочтение вашему доброму имени пред вашею милостью. Будьте мягки, человеколюбивы, доступны, сострадательны и либеральны; ваше величие да препятствует вам добродушно снисходить к малым людям и ставить себя в их положение так, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни их почтения; выслушайте все, что хотя сколько-нибудь заслуживает внимания; пусть видят, что вы мыслите и чувствуете так, как вы должны мыслить и чувствовать; поступайте так, чтобы люди добрые вас любили, злые боялись и все вас уважали. Храните в себе те великие душевные качества, которые составляют отличительную принадлежность человека честного, человека великого и героя; страшитесь всякого коварства; прикосновение с светом да не помрачит в вас античного вкуса к чести и добродетели. Недостойные принципы и злое лукавство не должны иметь доступа к вашему сердцу".

Трудно возразить против того, что эти принципы были сформулированы пронизательным, широким и свободным умом. Все это нашло полное отражение и в так называемой "Азбуке", которую Екатерина составила собственноручно и дала в качестве руководства по воспитанию великих князей генерал-адъютанту Салтыкову.

Познакомьтесь с основными положениями "Бабушкиной Азбуки", и вы почувствуете, что с раннего детства Александр рос, в отличие от своих

предшественников, в обстановке вольной, не ограничивающей личность жизни, в обстановке, которая была свойственна скорее просвещенным европейским семьям, нежели домостроевским законам России, которые не обходили стороной и титулованных отпрысков XVIII века.

В "Наставлении о сохранении здоровья царственных питомцев" императрица предписывала, чтобы их платье было как можно проще и легче, чтобы пища была простая, и, "буде кушать захотят между обедом и ужином, давать им кусок хлеба". Далее сказано: "чтоб не кушали, когда сыты, и не пили, не имея жажды, и чтоб когда сыты, их не потчевали пищей или питьем; чтобы не пили холодного, вспотевши или когда разгорячены, а вспотевши, не пили, иначе как скушав наперед кусок хлеба".

Императрица желала, чтобы юные князья и летом и зимой оставались как можно чаще на свежем воздухе, на солнце и на ветру, а зимой по возможности реже возле огня и чтобы зимой в их комнатах было не более 13 или 14 градусов по Реомюрову термометру. Далее в "Наставлении" сказано: "на загар лица и рук не смотреть... Вспотевши, не ложиться на мокрой траве".

Императрица желала, чтобы великие князья зимой и летом ходили в баню, через три или четыре недели, а летом купались, сколько сами захотят, лишь бы перед тем не вспотели. Весьма полезным она считала, чтобы дети учились плавать. Приказано было им спать "не мягко", а на тюфяках, под легкими одеялами, летом — ситцевыми, подшитыми простынею, а зимой — стегаными, ложиться и вставать рано. Предписано веселым играм детей не мешать и "малых неисправностей при игре не унимать". Государыня полагала, что, "дав детям в игре совершенную свободу, можно узнать нрав и склонности их". Далее сказано: "не оставлять их никогда праздными".

По мнению императрицы, следовало избегать употребления лекарств и обращаться к помощи врача только в случае действительной болезни. "Когда дети больны, приучать их к преодолению страданий терпением, сном и воздержанием. Каждый человек подвержен голоду, жажде,

усталости, боли от недугов и ран и потому должен переносить их терпеливо. Помощь в таких случаях необходима, но надлежит подавать ее хладнокровно, без торопливости".

В особой главе "Касательно умонаклонения к добру" императрица предлагает действовать на мораль детей, давая им чувствовать при всяком удобном случае, что прилежание и хорошее поведение награждаются любовью, добрым именем и славой, а нерадение и дурные поступки влекут за собой стыд и презрение. "Стараться при всех случаях вселять в детях человеколюбие и даже сострадание ко всякой твари..." Обман и неправда и в игре не должны быть терпимы, как бесчестное и постыдное дело. "Буде окажут несправедливость или обман, тогда следует лишить их им принадлежащего, чтобы они почувствовали, какова несправедливость".

По мнению императрицы, "дети обыкновенно плачут от упрямства либо от болезни, но должно запрещать всякие слезы. В болезни — следует употребить необходимые средства для ее облегчения, не обращая внимания на слезы и стараясь внушить детям, что плач их не уменьшает, а усиливает болезнь и что лучше преодолевать ее бодростью духа и терпением. Мысли же их стараться отвлечь на что иное или обратить слезы в шутки... Если в чем-либо приставники отказали детям, то чтобы криком и плачем не могли выпросить".

Далее Екатерина пишет "Об истинном познании Бога", присовокупляя, что, "когда идет речь о Законе (о христианской вере), тогда неинако отзываться при детях, как с достодолжным почтением".

По словам императрицы, "телесная сила обнаруживается в преодолении труда, а душевная твердость — в подчинении своих желаний здравому рассудку, и потому с самого детства необходима привычка следовать указаниям рассудка и справедливости". Должно приучать воспитанников к беспрекословному повиновению. "Да будет то, что пишет императрица, что бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не делать, и чтобы казалось детям столько же трудно то нарушить, сколько переменить погоду по их хотению... Кто с

младенчества не поважен повиноваться приказанию и совету родителей и приставников, тот, созрев, не в состоянии будет слушать советов здравого рассудка и справедливости. Чего дети повелительным голосом требовать будут, того не давать..."

"Кто не слушается, — продолжает Екатерина, — тот болен, и должно поступать с ним как с больным, лишив развлечений и забав, свойственных здоровому, пока болезнь его кончится с возвращением здравого рассудка, т. е. с послушанием и покорностью".

Императрица требовала, чтобы царственные дети не только не мучили и не убивали животных, как, например, птиц, бабочек, мух, но чтобы имели попечение о принадлежавших им собаках, птицах, белке и даже о цветах в горшках, поливая их. Все же, оставляемое ими без призрения, приказывала отбирать от них.

Ложь и обман запрещались как детям, так и "приставникам", даже в шутку. Приказано было: "если кто из воспитанников солжет, то в первый раз выказать удивление тому, как поступку странному, неожиданному и неприличному; если опять солжет, то сделать виновному выговор и обходиться с ним холодно и с презрением, а буде, паче чаяния, не уймется, то наказать, как за упрямство и непослушание".

Императрица предписывала: "отдалять от глаз и ушей их высочеств все худые примеры и чтобы никто при детях не говорил грубых, непристойных и бранных слов и не сердился".

"Главное достоинство наставления детей, — продолжает Екатерина, — состоять должно в любви к ближнему (не делай другому, чего не хочешь, чтоб тебе сделано было), в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обращении со всеми, в добронравии, чистосердечии, в удалении гневной горячности, боязливости и пустого подозрения..."

По словам императрицы, "истинная смелость состоит в том, чтобы пребывать в том, что долг человеку предписывает".

По ее мнению, надлежало отдалять от детей все то, что могло бы испугать их, но если они чего боятся, то приучить к таким предметам

исподволь, сперва издали, а потом подходя ближе, стараясь рассеять их опасения доказательствами, доступными детскому понятию, но "основанными на истине", либо обратить их страх в шутку. С такой же целью было приказано "приставникам" не выказывать опасений при громе, буре и в других случаях и приучить детей не бояться пауков, мышей, собачьего воя, качки кареты или лодки, а также чтобы они видели, как лягают и топают ногами лошади, и подходили к ним. Приказано также приучать детей ходить по таким местам, где они могут споткнуться без опасных последствий; если кто из них упадет, не спешить без нужды на помощь и дать время встать самому; в случаях же, когда нужна помощь — подать ее не торопясь.

Насчет учтивости императрица полагала, что "она основана на том, чтобы не иметь худого мнения ни о себе самом, ни о ближнем... Человеколюбие, уважение ближнего, внимание к каждому да послужат основаниями учтивости".

"Противны учтивости: во-первых, природная грубость и невнимание к тому, что другим нравится или не нравится; во-вторых, пренебрежение к людям, выказываемое взглядами, словами, поступками и движениями; в-третьих, насмешки, умышленные споры и противоречие и, в-четвертых, привязчивость и пересуды. Но и лишняя учтивость несносна в обществе... Приучать детей, чтобы не перебивали никому речи, не спешили сказывать свое мнение, не говорили слишком громко или утвердительно, а просто, не возвышая голоса".

Насчет "поведения". Императрица полагала, что оно во многом зависит от общества, в котором будут дети, и потому следует быть весьма осторожными в выборе окружающих их людей. По мере приближения воспитанников к юношескому возрасту необходимо показать им мало-помалу свет, каков он есть, и стараться внушить в них осторожность от пороков и порочных людей... "Способ не быть обманутым в свете, — говорит Екатерина, — знать свет... Необходимо уметь различать свойства людей и в каких случаях прилично не обращать на то внимания... В ком нет ни добродетели, ни учтивости, ни доброго

поведения, ни знания людей и вещей, тот никогда не будет достоин почтения".

По мнению императрицы, главное дело "приставников" состояло в том, чтобы дать питомцам здоровое понятие о вещах и внушить им правила добродетели, послушание к императрице, почтение к родителям своим, любовь к истине, благоволение к человечеству, снисхождение к ближнему, показывать им все, как оно есть и как быть должно... Учение же должно было служить единственно к отвращению праздности, к развитию природных способностей и для привычки к труду. Приказано было учить детей в те часы, когда они сами изъявляют к тому охоту, не более получаса сряду [25] и оканчивать прежде, нежели станут скучать. За учение не бранить, но если учатся хорошо — похвалить... По мнению императрицы, "страхом научить нельзя, ибо в душу, объятую страхом, не более вложить можно учения, как на дрожащей бумаге написать".

Насчет предметов, которым должны были учиться великие князья, находим в "Наставлении" следующие правила: "Языкам учить детей не иначе как в разговорах, но чтобы при том не забывали своего языка русского... К изучению иностранных языков присоединить полезные познания, как, например, учить минералогию на латинском, ботанику на немецком, зоологию на французском языке, но не все предметы вдруг, а последовательно один за другим. Чтение Евангелия на разных языках и сличение их с русским дает достаточное знание некоторых, в разговоре необычных (мертвых?), языков, как, например, греческого, владея коим, воспитанники могут приобрести многие полезные сведения". "Сперва учить: чтению, письму, рисованию, арифметике; не худо учиться и письму под титлами (abbreviation). Затем последуют: география, хронология, астрономия и математика, но запрещается принуждать детей твердить много наизусть". Весьма знаменательно, что для первоначального образования императрицей избраны большей частью предметы, которые требуют от обучающихся памяти, именно: языки, хронология, география. Далее следуют "история, законы российские, не узнав коих, невозможно знать и порядки, коими правится Россия..."

"Русское письмо и язык надлежит стараться, чтобы знали как возможно лучше". "Желательно, — писала императрица, — чтобы они прошли военную, сухопутную и морскую службу, от первоначальных оснований до высшей части их, и получили о них основательное понятие".

Сверх того предполагалось обучать царственных детей верховой езде, фехтованию, вольтижированию, плаванию, ружейным приемам "и всему тому, что телу придает силу и поворотливость..." "Доброй походке и наружности ничем лучше выучиться нельзя, как танцеванием..." Если дети изъявят охоту "точить" или заниматься каким-либо другим ремеслом, то не отвращать их от сих занятий.

Великих князей, в возрасте от одиннадцати до пятнадцати лет, надлежало упражнять сведениями, относящимися к изучению России, и в этом должны состоять главные предметы их занятий. К достижению этой цели, по мнению императрицы, могли служить карты России и каждой из российских губерний, с описанием почвы, растений, животных и основных направлений "народной промышленности", а также виды примечательных мест, городов и строений; сведения о течении судоходных рек, о состоянии крепостей и дорог, описание народов, живущих в каждой губернии, их одежды, нравов и обычаев. Кроме того, в числе предметов обучения были указаны и судопроизводство страны, финансы, образование и содержание войск, попечение о больных, дряхлых и неимущих.

Мы не случайно остановились на тех принципах, которые были заложены в воспитании Александра. Это были прекрасные, умные принципы, и они вполне соответствовали хорошо сбалансированной, здоровой натуре великого князя. Но зловещая дворцовая интрига властно вторгалась в его жизнь, заставляя закрываться, лукавить, притворяться, хитрить. К тому же Екатерина, если уж благодетельствовала, то претендовала на ответные чувства, что уже являлось одной из форм насилия. Не случайно Александр, возмужав, еще при жизни императрицы с горечью и неприязнью высказывался о Екатерине, которая так и умерла в неведении относительно

действительного отношения к ней любимого внука.

И все же, безотносительно к императрице, основы воспитания Александра были замечательные для того времени.

Не случайно друг его молодости князь Адам Чарторыйский вспоминал много лет спустя: "Великий князь восторгался красотами природы; нередко цветок, зелень растения либо ландшафт какой-либо местности восхищали его. Александр любил смотреть на сельские работы, на грубую красоту крестьянок, полевые труды; простая спокойная жизнь в уединении — таковы были мечты его юности". И если мечты Александра об уединенной жизни могли быть фразой, то его любование природой, которое он пронес через всю жизнь, сомнений не вызывало. Кстати, ни его брат Константин, бывший на два года моложе его и воспитывавшийся по тем же канонам, что и Александр, ни тем более третий брат, Николай, будущий Николай I, подобными качествами не отличались. Поэтому здесь приходится говорить не только о принципах воспитания, но и о натуре, которая всегда бывает уникальна.

Эти качества, заложенные с детства, остались с ним навсегда, несмотря на все превратности судьбы и жестокие коррективы, внесенные в его воспитание и в его характер системой.

Огромное влияние оказал на Александра его воспитатель — тридцатитрехлетний швейцарский адвокат Фредерик Сезар Лагарп, республиканец, гуманист, человек высоких нравственных качеств. Удивителен был выбор Екатерины, который подсказал все тот же Гримм. Лагарп составил программу обучения и воспитания восьмилетнего Александра и шестилетнего Константина, цель которой заключалась в том, чтобы сделать из великих князей просвещенных граждан. Екатерина программу утвердила. И даже тогда, когда противники Лагарпа при дворе с фактами в руках доказывали императрице республиканскую приверженность швейцарца, Екатерина не тронула его, и Лагарп продолжал свои занятия с титулованными учениками.

По существу, через Лагарпа Александр воспринял идеи французского Просвещения, перелитые позднее в свободолюбивые лозунги Великой

французской революции.

Известны иронические высказывания на этот счет советского историка 20-х годов Н. Н. Фирсова, позднейших советских историков. "Лагарп, — писал Н. Н. Фирсов, — сумел увлечь своего воспитанника хорошими словами настолько, что тот выучился их повторять „с чувством, с толком и расстановкой“. Автор приводит, опять же с иронией, воспоминания о юном Александре уже 90-х годов Адама Чарторыйского, который пишет, что мнения Александра-юноши, когда он с ним впервые познакомился, „были мнениями школьника 1789 года, который желал бы видеть повсюду республику и считал эту форму правления единственно сообразную с желаниями и правами человечества“. „Но в действительности, — комментирует Н. Н. Фирсов, — эти мнения являлись наносными, лишь кажущимися убеждениями, прочно не сросшимися с душой, убеждениями, эмоциональная форма которых обыкновенно не переживает школьного возраста...“

И все же кажется, что и здесь, и во всех иных подобных оценках мы имеем дело с идеологическим материалом.

Во— первых, трудно отрицать огромное влияние взглядов, сложившихся в юности, на всю последующую жизнь человека; во-вторых, поразительно, что семена, брошенные Лагарпом в души своих воспитанников, взошли в душе Александра, но оставили глухим Константина Павловича, для которого республика, как и для Николая, была синонимом ругательного слова. В-третьих, имеются и другие многочисленные свидетельства всей серьезности и глубины свободолюбивых и республиканских переживаний Александра.

Кстати, Н. Н. Фирсов неточно цитирует А. Чарторыйского, который пишет, что Александр "по своим воззрениям являлся выучеником 1789 года", а это нечто совсем другое, нежели "мнение школьника". К тому же автор обрывает цитату, а ведь князь Чарторыйский далее отмечал: "Хотя я и сам находился тогда во власти экзальтации, хотя и был рожден и воспитан в республике, где принципы французской революции были встречены и восприняты с энтузиазмом, тем не менее в наших беседах я

обнаруживал более рассудительности и умерял крайние мнения великого князя. Он утверждал, между прочим, что наследственность престола была несправедливым и бессмысленным установлением, что передача верховной власти должна зависеть не от случайностей рождения, а от голосования народа, который сумеет выбрать наиболее способного правителя".

Все те годы, что Лагарп был рядом с Александром, — а это без малого одиннадцать лет, с 1784-го по 1795 г., — воспитатель боготворил своего ученика, а ученик боготворил воспитателя. "С самого младенчества, — писал Лагарп, — замечал я в нем ясность и справедливость в понятиях". Сам же Александр неоднократно писал Лагарпу и говорил окружающим: "Я вам обязан тем немногим, что я знаю", "Я всем ему обязан". Связь Лагарпа с великим князем, цесаревичем, а позднее императором с перерывами продолжалась долгие годы. Лагарпа упрекали в том, что он пытался сделать из Александра будущего Марка Аврелия [26] , но воспитатель, пользуясь благорасположением императрицы, упорно выполнял свою программу воспитания. Кстати, его позиции по части подготовки великого князя к будущему управлению государством были не столь уж вегетарианскими. Лагарп был разумный и трезвый человек и преподавал Александру ряд полезных политических уроков. Так, в своей основополагающей к воспитанию "Записке", одобренной Екатериной, Лагарп писал: "Будущий правитель не должен быть ни физиком, ни натуралистом, ни математиком, ни географом, ни филологом, ни юристом, и т. д. Но он должен быть честным человеком и просвещенным гражданином и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать их настоящую цену и иметь ясное сознание обязанностей, лежащих на монархе, в руках которого счастье и несчастье многих миллионов. А какая же наука может развить гражданское чувство более, нежели история? Всякий гражданин, желающий приносить пользу своей стране своим участием в делах общественных, обязан изучить историю. Тем более обязанность эта лежит на будущем правителе. Но надобно направить ее изучение таким образом, чтобы он не мог почерпнуть в нем

вредные начала. Не следует никогда забывать, что Александр Македонский, одаренный прекрасным гением и блестящими качествами, опустошил Азию и совершил столько ужасов единственно из желания подражать героям Гомера, подобно тому, как Юлий Цезарь из подражания этому самому Александру Македонскому совершил преступление, сокрушив свободу своего отечества".

Лагарп постоянно убеждал своего воспитанника в том, что государь не может иметь истинных друзей. Эти уроки, кажется, пошли впрок умному и дальновидному Александру.

Все, кто писал о становлении личности Александра, обращали внимание на то, что он находился как бы меж двух огней, которые неистово жгли друг друга, — между Екатериной и отцом, Павлом Петровичем. Отец и бабушка почти не общались. В Павловске и в Гатчине шла своя, обособленная от Царского Села и от Петербурга, жизнь. Здесь были свой уклад, свой ритуал, свои фавориты, возвышения и падения, своя армия, состоявшая под началом цесаревича, слепо копировавшего в ней прусские военные порядки с их бездумной муштрой, жестокой регламентацией всей армейской жизни, увлечением внешней стороной службы — парадами, построениями, разводами.

Отец требовал активного участия старших сыновей, когда они пришли в возраст, в этой одуряющей ум службе, и оба они включились в военный гатчинский бег: командовали пусть небольшими, но армейскими подразделениями, участвовали в маневрах и парадах. А. Чарторыйский позднее тонко заметил, что Александр и Константин всерьез увлеклись этой полуигрой-полужизнью, поскольку она отвечала натуре взрослых молодых людей, позволяла им активно проявить себя в "мужском деле", представляла собой известную и естественную антитезу созерцательной жизни в Царском Селе, с его лагарповскими проповедями, нравоучительными беседами, размеренным, спокойным укладом жизни, устроенной под себя стареющей женщиной.

В Гатчине судьба впервые свела Александра I с А. А. Аракчеевым, его будущим всесильным фаворитом, который, являясь крупным

специалистом в области артиллерии, преподавал ему баллистику, знакомил с основами артиллерийского дела.

"Императрица, — писал Чарторыйский, — не сумела овладеть воображением своих внуков, ни занять их какой-нибудь работой, ни разнообразить их время. Отцу их это удалось, что было большим злом, имевшим печальные последствия. Молодые великие князья считали себя в глубине души, и вполне согласно с действительностью, в гораздо большей степени членами так называемой гатчинской, нежели русской, армии".

В Гатчине Александр впитывал дух военщины, муштры, парадомании, порядка, педантичности, что так не гармонировало с либеральными идеями царскосельского воспитания, приводило его к душевному разладу, к необходимости уже в раннем возрасте примирять в душе непримиримые вещи.

В Царском Селе он берегся Екатерины — умной, хитрой, деспотичной, без памяти любящей его, Екатерины, которая внимательно следила за его душевным состоянием, за тем, насколько он предан ей, предан Царскому Селу. В Павловске и Гатчине он остерегался отца — искреннего, взбалмошного, эксцентричного, жестокого. Страх перед отцом омрачал военно-мальчишеские его забавы. Отец мог похвалить за военные экзерсисы, но мог разнести в пух и прах, высмеять, наказать. Так нередко во время учений Павел посылал своего адъютанта Котлубинского выразить недовольство в связи с тем или иным промахом великого князя в таких словах: "дурак", "скотина". В отношениях Александра с отцом создавалась так часто встречающаяся семейная ситуация: он был для него мужским авторитетом, олицетворением многого из того, к чему стремился молодой человек, но он же, обладая также деспотическим характером, несдержанностью, был одновременно источником страха, источником все растущей с годами ненависти, которая по мере взросления Александра могла когда-то выплеснуться наружу.

Ради гатчинских забав Александр сносил насмешки "большого двора",

язвительные уколы бабки. Все это заставляло его лавировать и в Гатчине, и в Царском Селе, лавировать между Павлом и Екатериной. Как образно сказал В. О. Ключевский, это вынуждало его "жить на два ума, держать две парадные физиономии".

Постоянная раздвоенность, тяжелые комплексы избалованного ребенка, который не мог тем не менее быть действительно свободным, удручающе воздействовали на характер Александра, тяжким прессом давили на его в общем-то здоровую и хорошо сбалансированную натуру. Одновременно они закаляли его, защищали в атмосфере дворцовых интриг и опасностей, формировали его политический иммунитет в наступавших событиях. Однако одновременно это давление вызывало у него внутренний протест. А свободолюбивая проповедь Лагарпа дополняла дело.

К концу царствования Екатерины (1794-1796) это был уже вполне сложившийся характер. И те либеральные воззрения, свободолюбивые экскурсы, которые поразили вначале Чарторыйского, вошли уже в плоть и кровь будущего императора. Свидетельств этому имеется предостаточно. Они проявлялись в его беседах с близкими людьми, в переписке с ними, в беседах с женой. Можно с полным основанием сказать, что к середине 90-х годов эти взгляды стали мировоззрением Александра.

К 1796 г. относится поразительная запись, сделанная Чарторыйским в одной из бесед с великим князем в Царскосельском парке: "Он сказал мне затем, что он нисколько не разделяет воззрений и правил Кабинета и Двора, что он далеко не одобряет политики и образа действий своей бабки; что он порицает ее основные начала; что все его желания были на стороне Польши и имели предметом успеха ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что Костюшко в его глазах был человеком великим по своим добродетелям и потому, что он защищал дело человечества и справедливости. Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди; что он с живым участием

следил за французской революцией; что, осуждая ее ужасные крайности, он желает республике успехов и радуется им. Он с благоговением говорил мне о своем наставнике г. Лагарпе, как о человеке высокой добродетели, истинной мудрости, строгих правил, сильного характера. Ему он был обязан всем, что в нем есть хорошего, всем, что он знает; в особенности он обязан ему теми началами правды и справедливости, которые он имеет счастье носить в своем сердце, куда внедрил их г. Лагарп". "Великий князь сказал мне, что его супруга — поверенная всех его мыслей, что она одна знает и разделяет его чувства, но что, за исключением ее, я первое и единственное лицо, с которым после отъезда его наставника он решился говорить о них; что он не может поверить их решительно никому, ибо в России еще не способен никто разделять их или даже понять; что поэтому я должен чувствовать, как для него будет отрадно отныне иметь человека, с которым он может говорить откровенно и с полным доверием".

Эти строки Адам Чарторыйский написал много лет спустя, когда Александра уже не было в живых; между их юношескими мечтами и этими мемуарами пролегла целая эпоха, в которой уложились и попытка реализовать на практике эти идеалы, и полный крах этих попыток, и глубокое разочарование Чарторыйского в своем венценосном друге, а также войны, конгрессы, революции, но Чарторыйский тем не менее отметил взгляды Александра, которые поразили его больше всего в их первые встречи в 1796 г.

Его поразило и то, что Александр сам первым потянулся к нему и к его брату, двум польским молодым мятежным душам, двум высокопоставленным шляхтичам из бунтующего рода, которые в Петербурге были фактически на положении заложников.

Конечно, это сближение Александра с Чарторыйским можно трактовать как очередное его желание понравиться, "подыграть" партнеру, как об этом пишут суровые "классовые" критики Александра, но зачем, с какой целью? Тем более что позднее эта привязанность еще более укрепилась, а мечты и идеалы юности переросли в попытку в рамках Негласного

комитета более четко сформулировать те реформаторские планы, которые, по мнению молодых друзей Александра, более всего нужны были России. Чарторыйский писал в своих мемуарах: "Я часто доказывал его хулителям, что убеждения его были искренними, а не напускными. Впечатление от первых лет наших отношений не могло изгладиться из моих мыслей. Конечно, если Александр в девятнадцать лет говорил мне в страшной тайне, с откровенностью, облегчавшей его, о своих мнениях и чувствах, которые он скрывал от всех, то, значит, он их испытывал на самом деле и чувствовал потребность кому-нибудь их доверить. Какой иной мотив мог он иметь тогда? Кого хотел обмануть? Без сомнения, он следовал лишь наклонностям своего сердца и высказывал свои истинные мысли".

Видимо, в системе мироощущений Александра было что-то такое, что постоянно стимулировало его склонность к либеральным свободолобивым настроениям, что подвигало его откликнуться на рассуждения Лагарпа, а позднее на пылкие речи молодого польского аристократа.

Повторим, что одним из источников этого вольнолюбия, возможно, стал его внутренний протест против постоянной, так сказать, "официальной" зависимости от Екатерины, взявшей его с малолетства под свою опеку.

Уже позднее, в 1818 г., в одной из задушевных бесед он скажет: "Екатерина была умная, великая женщина, но что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было... как почти везде. Я чувствовал в себе пустоту, и мою душу томило какое-то неясное предчувствие".

В одном из писем к В. П. Кочубею (также будущему своему соратнику по Негласному комитету), относящемся к тому же 1796 г., он откровенно продемонстрировал оппозиционность екатерининскому двору, дал уничтожающие оценки людям того времени.

Внешне Александр благоговел перед Екатериной; декларировал он свою преданность ее времени и при своем вступлении на престол. Однако позднее начинается его быстрый отход от ее принципов, планов, людей.

В совокупности с тем, о чем рассказывал А. Чарторыйский, это рисует совсем иную картину отношений внука и бабки, чем та, которую усердно рисовали оба они в 80 — 90-е годы XVIII в. Если Александра хоть в малейшей мере волновали те мысли, о которых писал Чарторыйский и которые он сам поведал Кочубею, то это означает лишь одно: он должен был тщательно скрывать от Екатерины и свои мечты, и свои привязанности, должен был терпеть и ненавидеть пресс глубоко эгоистичной, жестокой, властолюбивой женской натуры, отшлифованный десятилетиями неограниченной власти. И вместе с тем это постоянное давление, эта властная рука как бы втягивали Александра в лоно высшей власти, исподволь приучали его к ничем не ограниченной свободе собственного волеизъявления, формировали, лепили облик будущего абсолютного монарха. И это относилось не только к Екатерине, но и ко всему ее окружению, ко двору с его иерархией, завистью, интригами и интрижками, фаворитизмом, нравственной распущенностью, над которыми высилась великая воля великой государыни.

Прав, наверное, был тот же Н. Н. Фирсов, заметивший, что "незаметному, но едкому влиянию Екатерины, как ржавчина, подтачивавшему героическое содержание бесед Лагарпа, Александр был обязан тем, что из него вышел не государственный и социальный реформатор, а просто „сладенький человечек“, с доброжелательными и высокими словами на устах и с камнем на всякий случай за пазухой, умевший очень мягко стлать, но все-таки так, что спать, кому он стлал, было очень жестко".

Конечно, Екатерина оказывала на внука сильное влияние в плане его, так сказать, "государственного строительства", но это и вызывало в нем ту сердечную пустоту, о которой он говорил позднее, потому что вся его натура, весь стиль воспитания, определенный Лагарпом, тянули в иную сторону. И не случайно именно в это время Александр в письме к Лагарпу впервые высказал желание отказаться от будущего престола. До самого этого факта, как он полагал, было еще очень далеко: была жива Екатерина, полон сил был и цесаревич Павел Петрович, но мысль об

уходе от власти, побужденная прикосновением к русской государственной деятельности, уже мелькает в его сознании. Это письмо любимому воспитателю, датированное 27 сентября 1797 г., год спустя после смерти Екатерины II и вступления на престол Павла I, является апофеозом его настроений того времени: "Вам известны различные злоупотребления, царившие при покойной императрице; они лишь увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть. Наконец в минувшем ноябре она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалениях, вызванных ее кончиной, и которые, к несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более.

Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтобы сказать одним словом, — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами; существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь; прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера,

решительно не имея никакой возможности отдаться научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком.

Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставляет меня придать своим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль".

По существу, в этом письме была начертана программа либеральных преобразований Александра. Но от идей до их реализации в России того времени пролежала дистанция огромного размера. Позднее Александр стал это понимать все более и более определенно. Пока же он упивался этим новым для него волнующим мироощущением. Это было его собственное открытие, пробужденное Лагарпом, трудами просветителей, реальностями двора, Гатчины, России...

Большим потрясением для Александра стала, несомненно, попытка Екатерины передать ему престол мимо законного наследника Павла Петровича. Эта идея впервые была высказана Екатериной еще в 1787 г., когда Александру не было и десяти лет. Позднее она приняла четкие очертания династического кризиса, когда в 1793-1794 гг. Екатерина выдвинула в среде своих советников план лишения престола Павла. Однако Императорский совет в 1794 г. воздержался от одобрения этой идеи. Тогда Екатерина решила действовать через Лагарпа. Она просила его подготовить к этому Александра. Между Лагарпом и Екатериной

состоялся двухчасовой разговор, который закончился резким отказом Лагарпа участвовать в этом деле. Царица была раздражена. С этого времени начинается охлаждение Екатерины к Лагарпу. Его противники при дворе начинают одерживать верх. В конце 1795 г. Лагарп получил рескрипт императрицы об отставке. Узнав об этом, Александр бросился с рыданиями на шею своему воспитателю, а в день его отъезда передал ему усыпанные бриллиантами портреты свой и жены с проникновенным посланием, в котором были и такие слова: "Поймите, что Вы оставляете здесь человека, который Вам предан, который не в состоянии выразить Вам свою признательность, который обязан Вам всем, кроме рождения". Эта привязанность продолжалась долгие годы, и сомневаться в ее искренности не приходится.

Вскоре тайна перестала быть тайной, отец и сын были осведомлены о планах Екатерины и противопоставлены друг другу. К тому же Екатерина попыталась втянуть в "дело" супругу Павла Марию Федоровну, которой предложила написать мужу письмо с требованием отречься от престола в пользу сына. Однако Мария Федоровна отказала императрице. Все это не могло не поставить Александра перед необходимостью сделать впервые в своей жизни важный, возможно решающий выбор. Он уверил отца в нежелании принять престол, дал в присутствии Аракчеева Павлу клятву на верность и назвал его "императорским величеством".

Именно тогда зарождается в Александре крайне критическое отношение к системе действующей в России власти, ко двору, к светской жизни, которое он не раз впоследствии демонстрировал. Уже в 1796 г. он писал Лагарпу: "Я же, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствия и охотно уступлю свое звание за ферму подле Вашей или, по крайней мере, в окрестности. Жена разделяет мои чувства, и я в восхищении, что она держится моих правил". В том же году следует грустное и в известной степени разоблачающее письмо В. П. Кочубею, бывшему в то время за границей. "Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня

создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями... Я сожалею, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или иным способом...

...В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно и одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно честным человеком, получая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы".

"Спокойную совесть, — продолжал Александр, — ставлю первым для себя законом". Относительно отношений с отцом он проявил определенную твердость и заявлял окружающим: "Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости".

В таких сложных жизненных, психологических условиях проходили детство и юность Александра.

Заметим, что его взгляды и тревоги разделяла с ним юная супруга Елизавета Алексеевна. Луиза, принцесса Баденская, прибыла в Петербург в октябре 1792 г. и понравилась юному великому князю. Через год она стала его женой. В то время ей было 14 лет, а Александру — 16. Столь ранний брак, конечно, не мог не повлиять на отношения супругов.

Вначале это не ощущалось. Скромная, обаятельная, умная Елизавета увлеклась либеральными взглядами Александра, поддерживала его умонастроения, как это видно и из его писем.

Уже позднее личная близость супругов была нарушена, и Александр поплыл по волнам амурных удовольствий. Однако их душевная близость сохранялась, что подтверждалось неоднократно, особенно в критические для Александра дни. Была Елизавета Алексеевна рядом с мужем и в последние дни его жизни в Таганроге, в ноябре 1825 года.

Некоторые считают, что мотивы ухода от власти и даже будущего отречения были связаны со страхом перед отцом. Возможно, в 1793-1794 гг. так это и было. Но этим же объясняют знакомый лейтмотив в позднейших письмах Александра Лагарпу, Кочубею, считая, что переписка Александра перлюстрировалась для Павла. Но ведь Екатерина умерла осенью 1796 г., а письма эти относятся к началу года (позднейшее письмо Лагарпу было тайно переслано за границу), когда ее партия еще была у власти. Ни о какой перлюстрации писем внука в пользу ненавистного сына не могло быть и речи. Значит, причину этих первых колебаний Александра в отношении престола, а попросту в отношении того, чтобы взвалить на себя всю полноту власти в прогнившей империи (а именно так он оценивал положение дел в стране), надо искать в другом, а именно в его общих настроениях, в мирозерцании. Надо учитывать и тот факт, что сразу же после смерти Екатерины и восшествия на престол Павла I Александр попросил Чарторыйского составить проект манифеста о собственном вступлении на престол, в котором бы говорилось о даровании стране гражданских свобод и об отречении от трона.

Как видим, уже в это время мечта осчастливить страну, а затем покинуть престол зародилась в голове Александра.

В этом калейдоскопе отмеченных выше и замеченных историками влияний, отношений, противоречий, дружбы, любви, ненависти и формировался характер Александра.

Любознательный читатель может отыскать весьма многочисленные

пространные и весьма противоречивые оценки этого характера. Уже сам этот факт показывает, что натура "загадочного сфинкса", как называли Александра, являла собой нечто удивительное и неповторимое. Я не буду перечислять все эти оценки, отмечу лишь их некоторую односторонность, продиктованную опять же скорее идеологическими, нежели научными мотивами.

Все, кто писал об Александре, о свойствах его натуры, наклонностях, чертах, выработанных жизнью, отмечали его хорошие человеческие задатки, мягкость, скромность, любознательность, большую впечатлительность и восприимчивость, изящество мысли, достаточный ум, большое личное обаяние; слова "un vrai charmant" ("сущий прельститель". — фр.), сказанные о нем М. М. Сперанским, как нельзя лучше передают его способность привлекать сердца людей, особенно представительниц слабого пола. Отмечалось его христианское терпение, набожность и даже мистицизм в конце жизни. М. И. Богданович, отзывавшийся о нем восторженно, как и должно быть свойственно официальному историографу александровского времени, писал, что император соединял в себе "христианское смирение и величавость, беспечность и кипучую деятельность, доброту и упорство мнений насчет людей, подвергавшихся его неудовольствию".

Н. Н. Фирсов, напротив, разобрав наследственные влияния на Александра, взял из них лишь негативные черты (впечатлительность и противоречивость деда и отца, хитрость и приспособляемость Екатерины, холодный эгоизм и рассудочность матери), но отметил тем не менее, что душевный облик Александра находился в состоянии равновесия, хотя и весьма неустойчивого. А. Е. Пресняков подчеркивал вслед за Пирлингом его эклектизм, прекрасное самочувствие в условиях смешения принципов и способности не следовать ни одному из них до конца.

Другие его биографы отмечали свойственные Александру робость и пассивность, праздность и леность мысли, его нелюбовь к систематическим занятиям, работе, его недеятельную мечтательность, способность быстро загораться и быстро остывать.

Общепринятым суждением о нем стало то, что Александр отличался неприятием каких-либо волевых актов, но проявлял стойкость и упорство в отстаивании своих эгоистических, личных интересов. Отмечались его честолюбие и тщеславие, двуличие, недоверчивость, скрытность, упрямство. А. Чарторыйский тонко заметил, что "для совершения удачных и крупных преобразований в социальном строе надо было иметь больше подъема, силы, огня, веры в самого себя".

Специальный анализ характера Александра сделал врач-психиатр профессор Сикорский в начале XX в. в книге "Вопросы нервно-психической медицины". Лейтмотив его оценок — слабая воля и средний ум Александра при тонком художественном развитии ("слабость воли и преобладание чувства"). Разрыв между этими свойствами характера и вынес на поверхность жизни такие его качества, как робость, тщеславие, скрытность, двоедушие, хитрость, обидчивость, мечтательность. Чужое напряжение воли подавляло его; таким было влияние на него Фотия, Аракчеева, других сильных личностей.

В одной из последних характеристик Александра I, принадлежащих перу В. А. Федорова, внимание акцентируется также на негативных чертах его характера. Прочитаны те авторы, которые отмечали у Александра "дух неограниченного самовластия", мщения, злопамятности, недоверчивости, непостоянства и обмана, способности строить свои успехи на чужой доверчивости, беспринципность, умение пользоваться чужими слабостями. Приведено, кстати, любопытное высказывание о нем Наполеона: "Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый". Наполеону вторил и шведский посол в России Лагербильт: "В политике Александр тонок, как кончик булавы, остр, как бритва, фальшив, как пена морская". М. М. Сперанский же отзывался о нем так: "Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым".

Возможно, все эти оценки, даже лишь негативные, и справедливы, если учитывать конкретные исторические ситуации, в которых оказывался

Александр, конкретные решения, которые он принимал. И конечно, логически, наверное, безупречны оценки профессора Сикорского, который основывался, как и историки, на формировании личности Александра в условиях царскосельско-гатчинского противостояния.

Но сколько бы эпитетов мы ни подбирали для всеобъемлющей характеристики крупного исторического деятеля, они никогда не дадут нам исчерпывающей картины до тех пор, пока мы не зададимся основным вопросом: какие государственные цели преследовал Александр в те или иные периоды своей жизни, в какой среде эти цели он пытался осуществить и какие средства в соответствии с этими целями и этой средой он использовал? Лишь в этом случае все эти характеристики типа "хитрость", "скрытность", "двуличие" или, напротив, "сердечное обаяние", "доброта", "смирение" и прочее приобретают реальный смысл и могут иметь адекватные ситуации оценки.

Для пояснения этой мысли можно было бы привести несколько примеров.

Я уже отмечал, что в пору своей юности, развиваясь, с одной стороны, вполне естественно на основе принципов гуманизма, человеческого достоинства, добропорядочности, благородства, приобщения к природе, Александр в реальной жизни сталкивался совсем с иными явлениями. Для того чтобы выразить себя, "облегчить душу", как писал Чарторыйский, он вынужден был тщательно скрывать свои мысли и чувства, таиться, притворяться. Известно его признание о том времени: "Меня обвиняют в недоверчивости, но известно, что с того времени, когда я начал мыслить, я видел вокруг себя только несчастье, и все, что я предпринял, обернулось против меня несчастьем". Так недоверчивость, скрытность в такой ситуации — хорошее это качество или плохое? Как оно характеризует человека — позитивно или негативно? А возьмем характеристики, данные ему Наполеоном или Лагербилюке; для русского государственного деятеля, каким здесь выступает Александр, подобные раздражительные опусы — это несомненный комплимент, и что было бы, если бы Александр был искренним с Наполеоном или с тем же шведским

посланником, если бы не притворялся и не хитрил?

Подобные же вопросы можно поставить и в десятках иных случаев отношения Александра к тому или иному конкретному человеку, государственному деятелю.

Отмечают особенность Александра принимать с разными людьми разные обличья. Но ведь в его положении — это совершенно естественная вещь, говорящая о проницательности, уме, такте, а главное — и о государственном, и о личном интересе, который нередко руководил им в этих превращениях. Он не мог быть одним и тем же со М. М. Сперанским и А. А. Аракчеевым, с А. Чарторыйским, В. П. Кочубеем и Фотием, с М. И. Кутузовым и со своим начальником Главного штаба, близким другом, князем П. М. Волконским. А ведь все они составляли причудливую ткань российской государственности, российского общества, с которыми пришлось иметь дело Александру I. Не он выдумал эту систему, выраженную в действиях сонма людей, в которой ему предстояло жить и царствовать, но для того, чтобы жить и царствовать, а тем более утвердить себя, он должен был к ней приспособиться, понять ее, а для того, чтобы проявить свою сущность, — использовать ее в той мере, какую позволяли обстоятельства.

И вот тут мы подходим к событию в жизни Александра, которое как бы жирной чертой подчеркнуло весь смысл этой системы, смысл его жизни, трезво и неумолимо определило его горизонты и его возможности. 11 марта 1801 г. в ходе дворцового переворота был убит его отец Павел I.

3. Суд совести

С момента восшествия Павла на престол многое переменилось в судьбе Александра — из баловня бабки, который волен был вести достаточно свободную, не обремененную обязанностями жизнь, он стал наследником престола со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Теперь уже не к детским играм в эфемерной армии привлекает его отец, а к настоящей изнурительной службе, обремененной мелочными, типично павловскими обязанностями.

Деспотизм и самодурство Павла увеличивались день ото дня, и Александр помимо воли становился участником той мрачной трагедии, которая разыгрывалась на глазах всей России.

Курс внутренней и внешней политики Павла вызывал острое недовольство в дворянских кругах, среди лиц, близких к власти. Постепенно складывалась оппозиция, зрел очередной дворцовый заговор. Мнительный Павел, чувствуя недовольство окружающих, начинал подозревать всех и вся. Вспомнилось, что Александр уже был его потенциальным противником в середине 90-х годов, и неизвестно, куда могла фантазия завести монарха-самодура в отношении к своему старшему сыну.

Противники Павла уже неоднократно предлагали Александру заставить отца силой отречься от престола и передать власть в его руки. Но Александр, внимательно выслушивая их, отказывался.

Однако содержание этих бесед с лидерами зреющего заговора — Паниным и Паленом — Александр отцу не передавал.

Н. Я. Эйдельман совершенно справедливо, на мой взгляд, предположил, что мартовский заговор 1801 г. зрел уже давно и что в центре этого заговора находился наследник престола. Это видится и в его письмах Кочубею и Лагарпу, и в упомянутых выше беседах с Чарторыйским, и в появлении вокруг Александра круга "молодых друзей", с которыми он уже в царствование Павла I вел, по существу, конспиративные разговоры о мерзостях павловской системы управления. Это видится и в проекте манифеста, который составил ему Чарторыйский и который получил полное подтверждение в цитированном выше письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г.

С апреля 1797 г. тайные совещания цесаревича с "молодыми друзьями", графом Н. Н. Новосильцевым, графом П. А. Строгановым, князем А. Чарторыйским, стали систематическими, благо в то время двор перебрался на коронационные торжества в Москву и здесь, в суматохе празднеств, эти встречи были более безопасны. Кто были эти люди? А. Чарторыйский — мятежный польский аристократ, участвовал в восстании

Костюшко и был интернирован в Россию. Виктор Кочубей являлся племянником канцлера А. А. Безбородко. Богач, аристократ. В 1792 г. он вернулся из революционной Франции с твердым выводом о закономерности происшедших во Франции перемен. До этого же Кочубей побывал в Швейцарии, Англии, изучал английское государственное устройство. Петр Строганов, сын знатного екатерининского вельможи, также проявил живейший интерес к французской революции. Она застала его в Париже вместе с гувернером-французом. Строганов часто посещал заседания Национального собрания, стал секретарем патриотического общества "Друзья закона", а в августе 1790 г. оказался даже членом клуба якобинцев. По настоянию Екатерины он был вызван в Петербург, а ездил за ним по настоянию напуганного отца родственник и друг семьи Николай Новосильцев, самый старший из "молодых друзей". В 1795 г. ему было 35 лет. И вот этим-то людям, размышлявшим о происходивших в Европе событиях, думающих о судьбах России, и открылся Александр в своих беседах и письмах.

Анализ бесед, обсуждавшихся программ в те годы приводит к мысли, что взгляды "молодых друзей" и самого Александра были весьма близки к взглядам умеренных декабристов, да и сами члены кружка по своему образованию, положению, месту в свете, наконец, по своей тяге к узкой конспирации, интеллигентской тайне напоминали титулованную часть декабристской фаланги. И все же, как это ни странно, наследник престола был левее своих осторожных друзей. Да, они выступали за обновление России, но постепенное, осторожное, без нарушения ее старого ритма. Они не разделяли стремлений цесаревича отказаться от трона. Сначала реформы, сначала встать во главе нации и совершить преобразования, а уже потом размышления о будущем. В одной из бесед Александр заявил: "Я действительно чувствую, что надо в первое время взять на себя бремя власти, но только для того, чтобы произвести преобразования".

Настроение кружка "молодых друзей" прекрасно выразила юная супруга Александра в письме к матери в августе 1797 г.: "Я, как и многие,

ручаюсь головой, что часть войск имеет что-то на уме или что они, по крайней мере, надеялись получить возможность, собравшись, что-либо устроить. О! Если бы кто-нибудь стоял во главе их! О мама, в самом деле он (Павел. — А. С.) тиран".

Итак, налицо был, по существу, законспирированный кружок, сформировалась программа, Александр уже в это время становится центром притяжения антипавловских сил. Одновременно вокруг братьев Зубовых спланируется часть офицеров, недовольных тем, что Павел ввел в армии суровые службистские порядки, насаждал в ней гатчинский дух, прусскую дисциплину. Особенно это чувствовалось в окружении А. В. Суворова, чья дочь была замужем за одним из братьев. Недовольство в армейских кругах ощущалось довольно широко. Чувствуя или зная об этой офицерской оппозиции, Павел начинает преследования П. А. Зубова, бывшего фаворита матери, к которому одно время относился благосклонно, отставляет от службы и отправляет фельдмаршала Суворова в Кончанское, устанавливает за ним надзор. Рано или поздно эти два направления должны были найти друг друга.

К концу 90-х гг. Павел, однако, сумел подавить оппозицию. Фактически он разгромил кружок Александра. Кочубей был уволен со службы, его дядя Безбородко попал в опалу, Чарторыйский отправляется послом в Сардинское королевство. Павел "предал анафеме" Лагарпа, который возглавил республиканское правительство в Швейцарии, и приказал русскому командующему войсками в Италии генералу Римскому-Корсакову во что бы то ни стало схватить и доставить бывшего воспитателя своего сына в Россию.

По существу, Александр и Павел I вступили в борьбу друг с другом. Для Александра эта борьба носила пока еще пассивные формы, но с каждым месяцем она принимала все более и более ясные и активные очертания.

В начале 1801 г. Павел приказал арестовать более двух десятков видных вельмож, которых подозревал в оппозиционных и заговорщических настроениях, затем он стал откровенно высказывать угрозы в адрес своей жены Марии Федоровны и старшего сына Александра. Он вызвал в

столицу попавших ранее в опалу своих любимцев — бывшего военного губернатора Петербурга Линднера и Аракчеева. Им, видимо, отводилась ведущая роль в захвате и заточении царской фамилии.

Павел говорил своему обер-шталмейстеру графу Кутайсову о том, что императрицу он намерен отправить в Холмогоры, Александра заточить в Шлиссельбургскую крепость, а Константина засадить в Петропавловскую крепость.

Графу Палену, нынешнему военному губернатору Петербурга, одному из лидеров заговора, как и другим видным заговорщикам, был уготован эшафот.

Над двадцатитрехлетним Александром нависла реальная угроза провести остаток дней в темнице. В этих условиях ему пришлось делать второй важный выбор в жизни.

Впоследствии один из современников событий, граф А. Ф. Ланжерон, писал в своем дневнике: "Несколько месяцев после, жестокость правления более возрастала. Г. Пален снова заговорил об этом с в. князем, он нашел его уже менее прежнего удаленным от тех намерений, которые он внушал ему, но все еще удерживаемого почтением к отцу своему, которое имело всю личину болезни к власти этого монарха... Граф Пален повторял снова свои представления с большими просьбами. В. князь, вынужденный этими обстоятельствами, наконец, согласился с ним, но с сожалением и прежде получив обещание не покушаться на жизнь императора, но удовольствоваться его арестом, потребовать от него акт отречения и перевести под крепким караулом в Петропавловскую крепость".

Если первую угрозу, связанную с возможным кризисом престолонаследия, он отвел в 1796 г., то теперь сделать это, видимо, оказалось гораздо сложнее. Подозрительный и мстительный, Павел не без основания считал сына замешанным в заговоре, и спастись Александр мог, лишь пойдя в своем выступлении против отца до конца.

Итак, Александр дал согласие на лишение отца верховной власти, на заточение его в Петропавловскую крепость. Предположим, что это было

действительно так, что "робкий", "пассивный", "плывший по течению", "уступавший чужой воле" Александр действительно силой обстоятельств был вынужден пойти на это страшное дело. Но ведь надо вместе с тем признать, что для подобного предприятия, особенно при Павле I, в России, в условиях деспотического правления, разгула политических репрессий и полицейского сыска требовалось немалое мужество, незаурядная решимость и недюжинная сила воли. Заметим, что Александр сам настоял на том, чтобы исполнение заговора было перенесено с 10 на 11 марта. Дело в том, что 10-го числа в карауле Инженерного замка, где обитала вся царская семья, стоял батальон гвардейского Семеновского полка, который был предан Павлу. 11-го же марта на дежурство должен был заступить эскадрон Конного полка, которым командовал Константин. Великий князь назначил вне очереди начальником караула преданного себе человека, полковника Н. А. Саблукова, об этом не мог не знать Александр.

Мемуаристы высказывают мысль, что Александр получил от заговорщиков лишь формальное словесное согласие не покушаться на жизнь отца, что он не мог не сознавать, чем могло закончиться все дело, чем оно вообще кончалось в России, тем более что его дед Петр III был убит заговорщиками, сторонниками Екатерины, спустя всего лишь восемь дней после свержения с престола.

Активное участие в заговоре приняли иностранные дипломаты, в частности английский посол. Стремительное сближение Павла I с Наполеоном, посылка русского корпуса в Индию посеяли панику в Лондоне, озаботили другие державы, стоящие на принципах легитимизма. Не случайно одной из ключевых фигур заговора стал генерал Л. Л. Беннигсен, который был, благодаря своему ганноверскому происхождению, подданным английского короля.

В момент захвата Павла Александр и Константин со своими супругами находились здесь же, во дворце. Их апартаменты были расположены как раз под покоем Павла, и они за полночь, одетые и бодрствующие, ждали исхода дела, сознавая, что там, над ними, буквально в двух шагах,

вооруженные и хмельные заговорщики расправляются с их отцом. Любопытно, что еще днем Павел, будто чувствуя угрозу, заставил сыновей принести ему в дворцовой церкви присягу.

Весь вечер августейшая семья провела вместе за ужином. Александр и Константин вместе с женами и девятнадцатью гостями мирно беседовали с отцом, в то время как две группы заговорщиков, одна во главе с Паленом, другая во главе с Беннигсеном и П. Зубовым, готовились к полночи подойти к дворцу.

В назначенный час, около полуночи, заговорщики приблизились к Михайловскому замку и через сад проникли в караульное помещение, ведущее в апартаменты царя. Часовой остановил группу военных, предводительствуемых последним фаворитом Екатерины II князем Платоном Зубовым, генералом Беннигсеном и адъютантом Павла Аргамаковым. На вопрос, куда и зачем направляются в столь поздний час эти высокопоставленные особы, Беннигсен ответил ему: "Замолчи, несчастный, ты видишь, куда мы идем". Напуганный часовой пропустил заговорщиков. Теперь надо было миновать комнату камердинера. Оттуда из-за двери также последовал вопрос о столь позднем визите, и был получен ответ, что они идут с докладом государю по делу большой государственной важности. Увидев вооруженных военных, камердинер исчез, и лишь один из караульных гусар попытался сопротивляться, закричал: "Измена!" — и тут же получил сабельный удар по голове. Но его крик предупредил императора, и когда заговорщики ворвались в спальню, то не нашли там Павла. И лишь в результате тщательного обыска они обнаружили трепещущего императора за панелью одной из ширм. Он был настолько растерян, что не сумел воспользоваться потайным ходом, не сумел вызвать караул.

Граф Николай Зубов, брат Платона, объявил Павлу, что он арестован по приказу императора Александра. Так что уже в первые минуты заговора имя Александра Павловича стало надежным знаменем заговорщиков, о чем впоследствии не мог не знать сам Александр.

Павлу зачитали акт отречения, и когда он начал обличать заговорщиков

в неблагодарности, те бросились на него с кулаками. Николай Зубов переломил императору правую руку. Ему плевали в лицо, таскали за волосы по полу, избивали. Затем Аргамаков снял свой шарф и набросил его на шею Павла. Уже хрипя и теряя сознание, Павел молил о пощаде.

"Тотчас после совершения своего дела заговорщики проявили свою радость в оскорбительной, бесстыдной форме, без всякой меры и приличия, — вспоминал впоследствии князь Адам Чарторыйский. — Это было безумие, общее опьянение, не только моральное, но физическое, так как погреба во дворце были разбиты, вино лилось ручьями за здоровье нового императора и героев переворота. В первые за этим дни пошла мода на причисление себя к участникам заговора; каждый хотел быть отмеченным, каждый выставлял себя, рассказывая о своих подвигах, каждый доказывал, что был в той или другой шайке, шел одним из первых, присутствовал при фатальной катастрофе.

Среди бесстыдства этого непристойного веселья император и императорская фамилия не показывались, запершись во дворце в слезах и ужасе".

Наутро все подробности этого жуткого убийства конечно же стали известны в высших эшелонах власти. Не мог не знать о них и Александр.

В эту ночь Александр, по существу, произвел двойной дворцовый переворот, он отодвинул от власти не только отца, но и мать.

Около часа ночи Пален вошел в комнату Александра. В это время тот, одетый и в сапогах, спал, лежа ничком на кровати. Пален тронул его за плечо, и когда Александр проснулся, то сообщил ему, что Павел скончался от апоплексического удара. Александр разрыдался. Тогда Пален жестко сказал ему: "Хватит ребячества! Благополучие миллионов людей зависит сейчас от Вашей твердости. Идите и покажитесь солдатам!" Александр такую твердость проявил. Он вышел на балкон и произнес краткую речь перед подошедшими полками: "Мой батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при моем царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, императрицы Екатерины".

Армии был брошен жирный кусок. И полки ответили ему радостными возгласами. Промолчали лишь преображенцы.

Когда, узнав об убийстве мужа, императрица в ярости потребовала, чтобы вся полнота власти перешла к ней, заговорщики заперли ее в покоях. А Александр промолвил: "Только этого еще не хватало!" Этот факт указывает, что он не просто хотел освободить Россию от власти деспота (такова была официальная цель заговора), не просто спасти себя, мать и брата от гибели, но и сам стремился к власти в обход и Павла, и Марии Федоровны. А. Чарторыйский обратил на это внимание и записал в своих воспоминаниях: "Я никогда ничего не слышал о первом свидании матери и сына после совершенного преступления. Что говорили они друг другу? Какие могли они дать друг другу объяснения по поводу того, что произошло? Позже они поняли и оправдали друг друга, но в эти первые страшные минуты император Александр, уничтоженный угрызениями совести и отчаянием, казалось, был не в состоянии произнести ни одного слова или о чем бы то ни было подумать. С другой стороны, императрица, его мать, была в состоянии иступления от горя и злобы, лишивших ее всякого чувства меры и способности рассуждать".

Но, проявив мужество, волю, решимость в эту страшную для него минуту, Александр не рассчитал своих душевных сил. И это был, наверное, главный итог той мартовской ночи, которая нависла над его чувствами дамокловым мечом в течение всей оставшейся жизни. Заметим, что это был первый опыт на всем протяжении страшной истории русского правящего дома: убивали родных и двоюродных братьев, сажали в темницы и уничтожали сыновей и внуков, свержали с престола и убивали мужей. Но сын покусился на жизнь отца впервые, и это первенство досталось на долю Александра, который, казалось, вовсе не готов был к этой страшной миссии.

Гораздо более подходил для этой роли жестокий и прямолинейный Константин или властолюбивый, холодный Николай, но Александр с его республиканскими замашками, гуманистическими взглядами, ненавистью к насилию — в этом было что-то противоестественное, какой-то знак

судьбы. Чувство самосохранения и притягательная сила власти, которая медленно, но неумолимо втягивала его в свое лоно, в конце концов определили выбор Александра, но он, конечно, не мог рассчитать жизненные последствия этого выбора.

В ту же первую ночь своего правления, свидетельствовали мемуаристы, он предался отчаянию. И хотя вера этим свидетельствам не очень велика и вполне возможно, что хор его верных сторонников стремился отстранить от императора страшную тень отцеубийцы, но уже то, что они все же говорили об этом, указывает на некоторые реальные факты самочувствия Александра.

Когда, по сведениям Ланжерона, Александру объявили, какой ценой тот вступил на престол, император предался отчаянию и в величайшей горести говорил: "Скажут, что я убийца; мне обещали не посягать на его жизнь; я самый несчастный человек в мире".

По свидетельству А. Чарторыйского, Александр "предался отчаянию... Мысль, что он был причиной смерти отца, была для него ужасна; он чувствовал, словно меч вонзился в его совесть и черное пятно, казавшееся ему несмываемым, навсегда связалось с его именем... Целыми часами оставался он один, молча, с угрюмым неподвижным взглядом. Это повторялось ежедневно; он никого не хотел тогда видеть подле себя". И впоследствии, считает Чарторыйский, после того как миновала военная гроза 1812 года, позади осталось послевоенное устройство Европы, отвлекшее на время все силы и способности Александра, он снова и снова возвращался к все той же "ужасной мысли", "именно благодаря ей он впал с течением времени в такое уныние, дошел до такого отвращения к жизни и поддался, быть может, несколько преувеличенной набожности, которая является единственно возможной и действительной опорой человека среди мучительных страданий".

Власть надвинулась на Александра сразу, без подготовки, в одном из своих самых отвратительных облиций, и для его человеческой личности вопрос состоял в том, сумеет ли он устоять, достойно противостоять ей, как это он мнил в пору своих юношеских мечтаний, или она окончательно

втянет его в свой жернов, перемелет и выдаст очередной готовый образец обычного властителя — жестокого, беспринципного, готового ради удержания ее на все. Вопрос этот он решал в течение всей своей жизни, так и не дав на него ни отрицательного, ни положительного ответа. И в этом, видимо, состояла его драма как человека и правителя.

Конечно, никакие высокие цели этой власти, облеченные в пропагандистские клише своего времени и выраженные, в частности, в его манифесте по случаю вступления на престол и последующих многочисленных документах эпохи, не могли оправдать его перед самим собой.

Сделать это могло лишь чувство глубокого соответствия своих внутренних убеждений, всего того, во что он действительно верил, чему в глубине души поклонялся, и своих реальных действий как человека и политика. Только здесь мог он найти хоть малейшее оправдание страшному человеческому греху, который долгие годы тревожил его душу.

Поэтому всю последующую жизнь Александра мы и должны рассматривать, мне кажется, сквозь призму его постоянных усилий достигнуть этого соответствия, что было чрезвычайно трудно и в плане чисто человеческом, но особенно в плане государственном, правительственном.

Что касается его чисто человеческих качеств, то он, несмотря на всю ужасающую жестокость системы, в которой он жил, символом которой волею судеб являлся, всю жизнь боролся за обретение себя, за возврат к себе прежнему; это его стремление к постоянному очищению от скверны власти, и прежде замеченное в нем близкими к нему людьми, теперь во много крат усилилось чувством искупления огромной вины, которая становилась, по мере того как он шел по ступеням жизни, все более и более острой и тревожащей.

Проявить себя в этом личном смысле было намного легче, нежели в сфере государственного правления; здесь он был, как правило, предоставлен самому себе, а его личные поступки если и касались кого-

то другого, то лишь либо близких к нему людей, либо людей случайных и не имели широкого общественного резонанса.

Личную, человеческую линию, несмотря на весь диктат власти, ее порядков, традиций, соблазнов, заведомых обманов, пустоты, он вел в течение всей своей жизни, и порой ему это удавалось, хотя и не без отступлений, уступок, слабостей, которые и давали повод говорить о двуличии, ханжестве, неискренности Александра.

Он сохранил в себе юношескую самокритичность, которую демонстрировал в письме к Лагарпу ("мне бы хотелось высказываться и блестеть насчет ближнего, потому что я не чувствую в себе нужных сил для приобретения истинного достоинства"). Поразителен его почти аскетический образ жизни: ранний подъем, нелегкая работа с бумагами и людьми, очень ограниченное, почти постоянное окружение, одинокие пешие или верховые прогулки, удовольствие от посещения домов приятных ему людей, стремление избежать лести, мягкое, ровное обращение со слугами. И все это оставалось доминантой жизни в течение многих лет, хотя положение требовало и иного — участия в свете, частых отъездов; сохранилось и увлечение армией, слабость к парадомании, ставшая страстью едва ли не с детства.

Даже бесконечные путешествия Александра, над которыми так откровенно потешались и современники, и авторы уже XX века, имели какую-то своеобразную окраску. Надо заметить, что среди тех сотен тысяч верст, которые он покрыл в своей жизни, едва ли не большая часть приходится на Россию. Достаточно обозначить его маршруты лишь 1823—1825 годов. Поездки 1823 г.: Царское Село, Ижорский завод, Колпино, Шлиссельбург, Ладога, Тихвин, Молога, Рыбинск, Ярославль, Ростов, Переяславль, Москва, Серпухов, Тула, Мценск, Орел, Карачев, Брянск, Рославль, Чернигов, Старый Быхов, Бобруйск, Слоним, Кобрин, Брест-Литовск, Ковель, Луцк, Дубно, Острог, Заславль, Проскуров, Каменец-Подольск, Могилев, Хотин, Черновцы, Брацлав, Крапивна, Тульчин, Умань, Замостье, Брест, Сурож, Великие Луки, Царское Село.

Выехал царь из Царского Села 16 августа, а вернулся обратно 3 ноября,

находясь в дороге два с половиной месяца. Осенняя поездка 1824 года проходила по такому маршруту: Царское Село, Москва, Тамбов, Чембар, Пенза, Симбирск, Ставрополь, Самара, Оренбург, Илецкая-Защита, Уфа, Златоуст, Миасс, Екатеринбург, Пермь, Вятка, Царское Село. Во время своей последней и роковой поездки Александр проехал по части Малороссии, по всему Крыму и вернулся в Таганрог уже тяжело больным.

В этих поездках он посещал не только балы и обеды, встречался с верхушкой местного дворянства и купечества, устраивал смотр армейским частям, но и интересовался жизнью всех слоев общества. Так, он добрался до "киргизской степи" и побывал в юртах кочевников, посетил златоустовские заводы, спускался в миасские рудники, побывал в татарских семьях в Крыму, посещал госпитали, не брезговал общаться с арестантами и ссыльнопоселенцами.

Его биографы отмечают, что в дороге ему приходилось сталкиваться с изрядными трудностями: скудно питаться, испытывать различные неудобства, попадать в неприятные дорожные происшествия, долго идти пешком.

Зато он мог составить личное представление о том, как жила Россия. И глубокие разочарования, которые постигли его в конце жизни, вероятно, были вызваны и этой весьма подробной и, увы, весьма тяжелой информацией, развеивающей у него последние остатки иллюзий относительно своих усилий на пользу отечества.

Мы как— то не обращаем сегодня внимания на многочисленные случаи проявленного им сострадания к людям, человеколюбия, помощи, которые носили порой совершенно импровизированный характер, а в целом становились для него системой и достаточно отчетливо говорили о настроении человека. Так, на берегу Немана император увидел зашибленного лопнувшим канатом бурлака. Александр вышел из коляски, помог поднять беднягу, послал за лекарем и продолжал путь, лишь убедившись, что все возможное для него сделано. В другом случае он помог привести в чувство утонувшего крестьянина; по настоянию императора его врач баронет Виллие несколько раз пускал несчастному

кровь, прежде чем тот ожил. Своим платком Александр перевязал ему кровоточащую руку.

История сохранила немало подобных примеров из жизни Александра, говорящих о его непоказном интересе к людям, человеколюбию, терпимости и смирении.

Наряду с аффектированной набожностью в конце жизни сохранился и такой факт: после смерти Александра в кармане его сюртука был обнаружен конверт с бумагами, которые он всегда носил с собой и никому не показывал. Оказалось, что это были молитвы, и сам этот факт был сокрыт для окружающих.

Известно также, что информированный генералом И. В. Васильчиковым в 1821 г. о существовании тайного общества "Союз благоденствия" и ознакомившись со списком наиболее активных его членов, Александр не дал ему хода. Он бросил список в пылающий камин и заметил, что не может их карать, так как "в молодости разделял их взгляды".

В то же время известны случаи жестоких распоряжений Александра I относительно восставших солдат Семеновского полка, военнопоселенцев.

Везде, где он выказывал себя как личность, Александр выступал человеком весьма гуманных свойств, там же, где он проявлял себя как представитель и лидер системы, там он выступал порой в духе принципов неограниченного самодержавия. Это кажущееся противоречие в действительности противоречием не было.

Не случайно его супруга Елизавета Алексеевна, хорошо информированная и разделявшая его взгляды, писала в письме, датированном 12 марта, то есть днем, последовавшим за убийством Павла I: "Его чувствительная душа навсегда останется растерзанной, только мысль о возвращении утраченного благополучия Родины может поддержать его. Ничего другое не могло бы придать ему твердости".

Руководствуясь в делах общегосударственных лишь личными эмоциями, он рисковал прийти в действительные противоречия с системой. А это в России, как известно, было чревато даже для самых неограниченных монархов большими неприятностями. Александр прекрасно понимал всю

условность своего, как, впрочем, и всякого другого, самодержавия, рассматривал власть не как свою личную принадлежность, а как принадлежность общественную. Возможно, это понимание и спасало его на крутых поворотах истории, которых было немало в его царствование.

И все же глубоко личный мотив в действиях императора, мотив, в известной степени обусловленный принципами, с одной стороны заложенными и развившимися в нем с детства, а с другой — вызванными стремлением к постоянному искуплению своей ужасной вины, звучал в его душе в течение всей жизни.

Слова А. С. Пушкина "я только царство потерял" относятся к Александру в полной степени. Получив после убийства отца царство реальное, он потерял это царство в своей душе. И в этом, кажется, заключался смысл жизненной драмы Александра.

4. Страх

Вместе с чувством огромной вины, доводившим его до иступления и особенно обострившимся после вступления его в пятый десяток, когда вопросы смысла жизни, бытия, как правило, неодолимо встают перед каждой человеческой личностью, Александра всю жизнь преследовало гнетущее чувство страха. Без этого чувства невозможно, на мой взгляд, понять и его чисто человеческие эмоции, и его политические шаги. В его уме не мог не выстроиться короткий, но грозный мартиролог из убитого в заговоре деда Петра III и погибшего также в ходе дворцового переворота отца. И в обоих случаях мощные дворянские группировки, лица, близкие к трону, явились исполнителями этих расправ над самодержцами.

Не случайно и он сам, и его брат Константин всю жизнь носились с мыслью об отречении от престола, в основе которой, кроме всего прочего, лежал самый элементарный страх за свою жизнь.

Константин в начале 20-х годов, расторгнув свой венценосный брак и женившись на польской графине Иоанне Грудзинской, по существу, отказался от прав на престол, а позднее и официально оформил свой отказ письмом на имя Александра. Но было известно, что и ранее в

семейном кругу великий князь неоднократно говорил о своем нежелании царствовать (учитывая, что у Александра не было мужского потомства, а обе дочери от Елизаветы Алексеевны, Елизавета и Мария, умерли в раннем детстве в 1796 и 1806 гг.) — "удушат, как отца удушили", — повторял Константин.

Эта же мысль, пусть не в такой грубой форме, постоянно присутствовала и в уме Александра с той ночи 11 марта 1801 года. И эта мысль вовсе не была безосновательной, потому что в высших правительственных сферах время от времени появлялись идеи о насильственном устранении Александра I, что, конечно, не могло рано или поздно не стать ему известно.

Так, вскоре после заключения позорного для России Тильзитского мира популярность Александра резко упала. "Всеобщее неудовольствие против императора более и более возрастает, — писал шведский посол Стединг в Стокгольм. — И на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать". Циркулировали слухи о возможности дворянского переворота и возведения на престол энергичной и умной сестры Александра Екатерины Павловны. В назревании заговора был убежден и французский посол в Петербурге герцог Савори.

Александр внимательно следил за движением общественного мнения. Ответом на эти слухи явилось создание Комитета общественной безопасности, которому вменялось в обязанность, в частности, и перлюстрация частных писем.

В 1817—м -начале 1818 г. в Москве на совещаниях декабристского общества "Союз спасения" впервые была высказана мысль о необходимости цареубийства как неизбежном условии свержения самодержавия и уничтожения крепостного права. Членом этого "Союза", кстати, был П. П. Лопухин, флигель-адъютант Александра и сын первого сановника России — председателя Государственного совета и Комитета министров князя П. В. Лопухина.

Эта идея уже в начале 1818 г. стала известной Александру, о чем есть свидетельства не кого-либо, а самого Николая I: "По некоторым доводам

я должен полагать, — писал он, — что государю еще в 1818 году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина (будущего декабриста. — А. С.) на цареубийство".

И хотя в первом случае опасность заговора исходила справа, а во втором — слева, результатом и того, и другого могло быть отстранение монарха от власти и его возможное убийство, как и в 1801 г. И в том, и в другом случае дворянство, офицерство, гвардия и даже сановная знать были той средой, где зрели нити этих заговоров, то есть для Александра, который сам был в центре такого заговора и являлся непосредственным его участником, сомнений быть не могло: ситуация повторялась и ему грозила самая непосредственная опасность.

В дальнейшем сигналы о существовании тайных обществ стали поступать один за другим. В 1820 г. Александру, находившемуся за границей, пришло известие из России о восстании гвардейского Семеновского полка, одной из частей русской армии, всегда бывшей опорой самодержавия. Это известие поразило Александра, который вопреки своей обычной скрытности и нежеланию "выносить сор из избы" совещался по этому поводу с министром иностранных дел Австрии Меттернихом. Вот что писал по этому поводу сам Меттерних: "Царь полагает, что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русских солдат решились на поступок, так мало согласующийся с народным характером. Он доходит до того, что воображает, что не кто иной, как радикалы, устроили все это, чтобы застрашать его и принудить вернуться в Петербург; я не разделяю его мнения. Превосходило бы всякую меру вероятия, если бы в России радикалы уже могли располагать целыми полками, но это доказывает, насколько император изменился".

Уже упоминалось о том, что Александр не захотел арестовать заговорщиков в 1821 г., когда князь И. В. Васильчиков представил ему их списки. В этом можно усмотреть и гуманный акт, и неверие в серьезность их намерений, поскольку народ среди заговорщиков был несановный, молодой. Но возможно и то, что Александр — и в этом могла

быть обнаружена его действительная государственная мудрость — просто не захотел привлекать внимание к щепетильной проблеме, оповещать мир о противостоящей ему оппозиции, создавать прецедент.

Оставив заговорщиков на свободе, Александр тем не менее принял меры наступательного характера. В августе 1822 г. он дал рескрипт па имя управляющего Министерством внутренних дел В. П. Кочубея о запрещении в стране тайных обществ и масонских лож и о взятии от военных и гражданских членов подписки, что они не связаны с этими обществами; в гвардии и армии вводится сеть тайной полиции, усиливается система сыска и слежки, расцветает шпиономания. Однако эти меры, по существу, не срабатывают.

К августу 1825 г. в руках Александра уже находилась обширная информация о заговоре, который охватил многие армейские части. Начальник Южных военных поселений генерал Витт направил в Петербург донесение, а потом лично докладывал государю в октябре этого же 1825 г. в Таганроге, что тайное общество "значительно увеличилось", "что 18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель".

Будучи уже тяжело больным, Александр постоянно возвращается к этим сведениям. Они тревожат его, буквально преследуют. Некоторые историки справедливо полагали, что общее ухудшение состояния здоровья Александра после 8 ноября как раз и было вызвано последними сообщениями о действиях тайных обществ, главной целью которых было его физическое устранение. Император стал чрезвычайно подозрителен, опасался отравления. Когда его личный врач Виллие предлагал ему лекарства, то Александр отказывался их принимать, ссылаясь, что главная причина его недомогания — "расстройство нервов". "В настоящее время есть много причин тому и более, нежели когда-либо", — сказал он врачу. А сам Виллие записал в своем дневнике: "Уже с 8 ноября я замечаю, что его занимает и смущает его ум что-то другое, чем мысль о выздоровлении". И будучи уже в бреду, Александр твердил: "Чудовища!

Неблагодарные!" Все, чем он жил, чему поклонялся, все его старания на пользу людей, на пользу Отечества, как он понимал их, все его стремления по великому искуплению своей вины, которыми он руководствовался всю свою жизнь, были теперь зачеркнуты, опрокинуты, опровергнуты этим упорным противостоянием, которое его не только пугало чисто физически, но и уничтожало духовно.

После смерти Александра в его кабинете была найдена писанная им записка, в которой, в частности, среди заговорщиков и его противников названы видные сановники страны и военные — Ермолов, Раевский, М. Орлов, граф Гурьев, Д. Столыпин "и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх того — большая часть разных штаб— и обер-офицеров". Александр упоминает, что в заговор вовлечены "обе армии" и "отдельные корпуса"; его родное детище — армия, которой он уделял столько сил, внимания, любви, с которой он прошел всю Европу и вступил в Париж, поднималась против своего государя, что не могло не потрясти его и не обострить течение болезни.

10 ноября Александр наконец отдал приказ произвести аресты среди членов тайной организации. Тем самым он в известной степени признал свое жизненное поражение. Это было его последнее распоряжение.

Таким образом, страх быть убитым заговорщиками преследовал Александра, по существу, всю его жизнь. Этот страх был неразрывно соединен в его сознании с другим сильным чувством — угрызениями совести в связи с убийством отца; ощущение неизбежности расплаты за совершенное злодеяние, в котором он отнюдь не был пассивной стороной, а напротив, играл роль едва ли не основную, хотя и оставался в тени, преследовало его на протяжении всей жизни, окрашивало ее в роковые, печальные тона, подвигало его к фатализму и мистицизму.

Поэтому, видимо, ни одно из крупных государственных начинаний Александра I нельзя рассматривать, с одной стороны, вне его желания оправдать свое восшествие на престол стремлением дать благо Отечеству, "принести счастье людям", а с другой — вне этого постоянного чувства страха за свою жизнь, которой он мог поплатиться в случае, если

его политика пришла бы в противоречие с могущественным консервативным дворянством, либо вызывала бы возмущение его радикального крыла. В делах государственных найти для себя соответствие права на престол реализации своих гуманистических идеалов, своих последующих действий было невероятно трудно, если вообще не невозможно. Но Александр упорно пытался это сделать.

5. Самодержавный либерал

Первые государственные шаги молодого императора (в 1801 г. Александру I было 24 года) дали основание А. С. Пушкину определить начало XIX века как "дней Александровых прекрасное начало". Было проведено широкое помилование заключенных (освобождено более тысячи человек), многие из которых отбывали наказание по политическим мотивам в Петропавловской крепости, Шлиссельбурге, в сибирской ссылке, в монастырях. 12 тысяч человек, уволенных со службы, вновь получили доступ к государственным должностям. Русские войска, направленные в Индию, получили приказ вернуться на родину. Депеша остановила их движение уже за Волгой. Александр I уничтожил один из важнейших институтов политического сыска — Тайную экспедицию, которая занималась делами, связанными с оскорблением царского величества и изменой государю и государству. Многие судебные дела оказались пересмотрены, цензура смягчена. Все препоны по общению с европейскими странами были устранены, были сняты и все павловские ограничения по части одежды. Александр подтвердил восстановление екатерининского Городового положения и Жалованную грамоту городам. Жалованная грамота дворянству также была восстановлена в своих правах.

Но наиболее существенным в программе либерального преобразования в России стал приступ к крестьянскому вопросу. Еще за несколько месяцев до переворота 1801 г. Александр записал в своем дневнике: "Ничего не может быть унижительнее и бесчеловечнее, как продажа людей, и для того неотменно нужен указ, который бы оную навсегда запретил. К стыду

России, рабство еще в ней существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оное прекратилось. Но, однако же, должно признаться, сие трудно и опасно исполнить, особливо если не исподволь за оное приняться". Как видим, здесь есть и четкое понимание всей мерзости крепостного права в России, и ясное осознание того, что вопрос этот сложен и опасен для реформатора. В свое время это поняла Екатерина, это понимал и Павел I, а после Александра I — Николай I и Александр II. Но Александр это понимание, пожалуй, сформулировал в наиболее обнаженном и откровенном виде. И все же 12 декабря 1801 г. вышел указ о распространении права покупки земель купцами, мещанами, казенными крестьянами, вольноотпущенниками. Монополия дворян на землю оказалась нарушенной. Через два года, 20 февраля 1803 г., появился указ "О вольных хлебопашцах", по которому крепостные крестьяне с согласия своих помещиков могли выкупаться на волю с землей целыми селениями. Через год купцы получили право владеть землей на договорных условиях с крестьянами.

С точки зрения тех процессов, что протекали в тогдашней передовой Европе, это было ничтожно мало. Но это была Россия с мощным консервативным дворянством, могучей бюрократией, дворянской же военщиной. Возможно, для того времени, чтобы не быть убитым в очередном заговоре, это были важные шаги, и сделал их не кто-либо другой, а Александр I, проложив тем самым дорогу к будущим реформам. Как он и писал в своем дневнике, он действовал исподволь.

Позднее он несколько опрометчиво и с горечью говорил госпоже де Сталь: "За главою страны, в которой существует крепостничество, не признают права явиться посредником в деле освобождения невольников; но каждый день я получаю хорошие вести о состоянии моей империи, и с Божией помощью крепостное право будет уничтожено еще в мое царствование".

В области внешней политики, которой с 1801 г. на короткий промежуток времени стал руководить В. П. Кочубей, Александр начал проводить политику "национальной достаточности", делать лишь те шаги, которые

выгодны России. Формулируя эту линию, Кочубей говорил: "Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон, лишь бы сама оставляла других в покое. Она слишком часто и без малейшего повода вмешивалась в дела, прямо до нее не касавшиеся. Никакое событие не могло произойти в Европе без того, чтобы она не предъявила притязания на участие в нем. Она вела войны бесполезные и дорого ей стоившие. Благодаря счастливому своему положению, император может пребывать в дружбе с целым миром и заняться исключительно внутренними преобразованиями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнул потревожить его среди этих благородных и спасительных трудов. Внутри самой себя предстоит России совершить громадные завоевания, установив порядок, бережливость, справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности. Какое соотношение может существовать между многочисленным населением России и европейскими делами вместе с войнами, из них проистекающими? Оно не извлекало из них ни малейшей пользы: русские гибли в этих войнах; с отчаянием поставляли они все более рекрутов и платили все больше налогов. Между тем действительное их благосостояние требовало продолжительного мира и постоянной попечительности мудрой и миролюбивой администрации. Что может лучшего придумать государь с его преобразовательными идеями и либеральными совещаниями?"

Одновременно П. Зубов и Пален вынашивали конституционные планы, к которым Александр поначалу относился благожелательно, пока не понял, что заговорщики в разработке конституционных проектов преследовали весьма прозаические цели — подчинить монарха аристократии.

Ярким проявлением либеральных устремлений Александра I стала организация так называемого Негласного комитета.

Сразу же после переворота он вызвал в Россию Чарторыйского. Из Англии вернулся по письму Строганова Новосильцев. Появился при дворе и Кочубей. Кружок "молодых друзей" вновь оказался воссозданным

самим Александром. Они и прежде, до восшествия на престол Александра I, собирались в его покоях, вели душевные беседы, жаркие споры, мечтали о реформах для России, об обновлении всей ее жизни. Причем Александр был душой этих бесед, их инициатором и организатором.

По существу, в этих беседах Александр оттачивал свои мысли, проверял убеждения, корректировал их. Настойчивость, с которой он втайне от всех, в том числе и от Павла, проводил эти встречи, показывает, что дело здесь было не просто в забавах молодости, в пустых шалостях ума; мысль о переустройстве страны постепенно всецело завладевала его сознанием.

После дворцового переворота и восшествия на престол жизнь предоставила Александру возможность реализовать свои планы, а главное — оправдать в собственных глазах необходимость свержения отца и захвата власти.

А. Чарторыйский вспоминал, что "каждый нес туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства. И хотя эти собрания долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имеющих практических результатов, все же надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в России в царствование Александра, которые не зародились на этих именно тайных совещаниях".

Четыре с лишним года, до сентября 1805 г., проходили эти тайные встречи под председательством Александра I. И с каждым разом становилось все более и более ясным, что ни Негласный комитет, ни сам Александр не были в состоянии реально осуществить хотя бы малую долю тех планов, которые рождались в его стенах.

В своих дневниках П. А. Строганов с огорчением отмечал, что Александр о будущих преобразованиях высказывался довольно туманно, он вежливо, но упорно отвергал все предложения сколько-нибудь

определенно сформулировать круг обсуждаемых вопросов. И все же из этих записей становится очевидным, что основой реформ, замышляемых Александром, должно было стать право на свободу и собственность.

Александр предполагал издать законы, "не дающие возможности менять по произволу существующие установления", но полагал, что инициатором реформ должен был выступить он сам.

Здесь обсуждались и проблемы крепостного права; выявилось понимание экономической необходимости его ликвидации. И все же члены комитета ясно понимали огромную дистанцию между своими планами и реальной действительностью; у них не было сомнений в том, что любое покушение на существующую систему ценностей, в первую очередь по крестьянскому вопросу, вызовет острое недовольство помещиков, приведет власть в противостояние с интересами господствующего класса в стране.

Особенно остро это чувствовал сам Александр I, который, по словам Н. Н. Новосильцева, и так уже слыл человеком, "слишком преданным свободе".

В кругах русской аристократии, особенно в салоне вдовствующей императрицы Марии Федоровны, даже эти по сути своей просто либеральные разговоры получили название собраний "якобинской шайки".

Возвращаясь в обыденную жизнь, обращаясь к своим повседневным обязанностям, встречаясь и решая вопросы с министрами, генерал-губернаторами, сенаторами, Александр снова попадал в стихию российской действительности, в стихию крепостнической, консервативной, жесткой и тупой системы, приводимой в движение сотнями и тысячами помещиков, прочно держащих власть и в центре, и на местах.

А. Чарторыйский с горечью писал: "Тем временем настоящее правительство — сенат и министры — продолжало управлять и вести дела по-своему, потому что стоило лишь императору покинуть туалетную комнату, в которой происходили наши собрания, как он снова поддавался

влиянию старых министров и не мог осуществить ни одного из тех решений, которые принимались нами в неофициальном комитете". Правительственная рутина затягивала его в свои сети, и вырваться из них для человека, который своим положением олицетворял и возглавлял эту рутину, было практически невозможно.

Два решающих обстоятельства обрекли на бездеятельность и постепенное умирание Негласный комитет: во-первых, неготовность самого Александра I пойти на какие-то решающие шаги; его либеральные воззрения не переплавились в необходимость практического действия, потенциальный реформатор лишь чувствами воспринимал неодолимость грядущих перемен, но умом, как сын времени и представитель своей среды, он понимал, что их наступление будет означать прежде всего перемену в его собственном положении неограниченного монарха. Поэтому с такой подозрительностью и неодобрением он воспринимал и в Негласном комитете, и в позднейших реформаторских инициативах своих подданных хотя бы малейший намек на то, что будет затронуто это его право вершить судьбы страны и тем самым выступать ее благодетелем.

Как известно, история практически не знает случаев, чтобы человек власти отказывался от своих личных прерогатив и преимуществ ради интересов Отечества, народа. Все эти так называемые "революции сверху" были направлены на то, чтобы подновить систему, освободить ее от наиболее одиозных черт и фигур, успокоить общественное мнение и сделать ее более гибкой, живучей и тем самым укрепить общественное и личное положение человека, стоящего во главе этой системы. Александр I не вышел за рамки этого мирового стереотипа, более того, в этих своих начинаниях он проявил такую задумчивость и нерешительность, которая и послужила позднее поводом для того, чтобы изрыгать в его адрес либеральными современниками и позднейшими его судьями многочисленные проклятия.

При этом они забывали, что кроме могучего воздействия системы, на действия и менталитет Александра оказывал влияние и такой

немаловажный фактор, как панический страх перед очередным переворотом и возможной гибелью, он вовсе не хотел быть убит, как его дед и отец.

Негласный комитет был лишь пробой пера в реформаторских сочинениях Александра I, но пробой довольно определенной и симптоматичной, которая определила в дальнейшем весь политический настрой императора.

Прежде всего это проявилось в подходе к проблемам реформ в целом, когда Александр уже вышел из стен комитета и понес свои идеи к людям той правительственной рутины, которая представляла истинную власть в стране. Но прежде он попытался освободиться от тех пут, которыми его сковал переворот 1801 г. С каждым месяцем позиции Александра крепились. Он был поддержан основными слоями населения, армией, что ярко проявилось во время коронационных торжеств в Москве в сентябре 1801 г. Но уже до этого Александр начал наступление на лидеров и исполнителей переворота 1801 г. Первые попытки Палена, П. Зубова и других вождей переворота связать Александра I конституционными обручами не удались. Александр сдержанно, вежливо, но уверенно отвел все попытки ограничения его власти. Уже в этих столкновениях определилась основная линия императора: возможно, конституцию он и даст народу, но тот получит ее только из его рук. Это будет акт монаршей воли.

Попытка Зубовых и Палена сплотиться и создать организованную оппозицию царю не удалась, хотя и ходили слухи о готовившемся новом перевороте. К началу июня Пален сосредоточил в своих руках огромную власть: продолжая оставаться военным губернатором Петербурга, он стал членом Иностранной коллегии, членом Государственного совета, управляющим гражданской частью прибалтийских губерний. В июне он получил новое важное назначение — стал управляющим гражданской частью Петербургской губернии. Но через две недели политическая карьера Палена закончилась. Опираясь на мнение петербургской аристократии, на позицию Марии Федоровны и ее окружение, Александр

поручил генерал-прокурору А. А. Беклешову передать Палену, чтобы тот отправлялся в свои прибалтийские владения, а 17 июня он был уволен со всех должностей. На место Палена генерал-губернатором Петербурга был назначен М. И. Кутузов. Одновременно был уволен в отставку один из вдохновителей заговора Н. П. Панин, за ним последовали непосредственные участники убийства Павла I — генерал-майор В. М. Яшвиль и полковник И. М. Татаринов. Наконец в начале 1802 г. пал П. А. Зубов. Он получил заграничный паспорт и покинул Россию. Был отослан в Калугу и поэт Г. Р. Державин, отличавшийся непримиримостью в отношении Павла. Теперь руки царя были свободны.

Впервые Александр в полной мере для сохранения своей власти, которую он намеревался использовать для проведения в России "революции сверху", прибег к вполне самодержавным действиям. Опыт удался.

Но своей мечты облагодетельствовать Россию Александр не оставил. И это несомненно говорит о его упорстве и приверженности идеалам молодости. В этой же связи следует рассматривать появление в России Лагарпа, который был приглашен Александром I.

На роль своего первого помощника Александр определил способного и достаточно гибкого М. М. Сперанского, который не разделял радикальных воззрений членов Негласного комитета и не пугал императора своей настойчивостью и нетерпением, как его "молодые друзья".

Впоследствии Сперанский писал, что Александр "начал занимать меня постояннее предметами высшего управления... Отсюда произошел план всеобщего государственного образования". Так явился документ "Введение к уложению государственных законов", представлявший собой план преобразований. И снова Александр сам, по собственной инициативе, опираясь на выбранного им же, а никем иным человека, приступил к очередному туру реформ. Прав был специально занимавшийся этим вопросом российский историк С. В. Мироненко, когда писал: "Очевидно, что самостоятельно, без санкции царя и его одобрения, Сперанский никогда не решился бы на предложение мер,

чрезвычайно радикальных в условиях тогдашней России. Осуществление их означало бы, без сомнения, решительный шаг на пути превращения русского крепостнического абсолютизма в буржуазную монархию".

Смыслом намечаемых преобразований являлось введение в государственную жизнь страны гражданских и политических прав, выборное начало, некоторое ограничение самодержавной власти царя. Позднее, уже после своей опалы, Сперанский писал о плане этих преобразований царю: "Они не были предложены мною, я нашел их вполне образовавшимися в вашем уме".

Свои предложения Сперанский в конце концов представил царю, и они были одобрены им в январе 1810 г. Вскоре было объявлено о создании нового высшего органа государственной власти — Государственного совета и состоялось его первое заседание. Однако в манифесте царя об утверждении Государственного совета оказалась выхолощенной основная мысль, разделяемая ранее и Александром, и Сперанским — о разделении властей законодательной, судебной и исполнительной, действие которых координировал бы Государственный совет. Теперь ему вменялись в обязанность лишь законодательные функции при императоре.

Но и это не устроило Александра. На деле царь смело, как и прежде, единолично решал многие важнейшие вопросы. Традиции самодержавия продолжали действовать, и царь оказывался первым, кто их активно поддерживал, проводил в жизнь. В иное время, в более обнаженной форме, в больших масштабах повторилось то, что произошло в свое время с Негласным комитетом: снова сработала система, снова человек системы, несмотря на благие декларации и подталкивание своих сподвижников к реформам, в решающий момент сделал шаг назад. И снова мы должны винить в этом не только время, но и постоянные колебания самого Александра, его страх перед возможным недовольством дворянства. А оно, это недовольство, уже при первых попытках Александра и Сперанского по государственному переустройству России грозно дало о себе знать. Бывший одним из рупоров реакционной части дворянства, попечитель петербургского учебного округа Д. П. Рунич с возмущением

писал о том, что "самодержавие царя сочеталось с мнением Государственного совета". "Самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее".

К тому времени, когда Сперанский был озадачен царем планом разработки государственного переустройства России, в недрах Негласного комитета родилась мысль об организации по европейскому типу министерств и Совета министров вместо устаревших коллегий. Были проведены широкие реформы в области образования, открыты новые университеты в Петербурге, Дерпте, Казани, Харькове. В ряде городов появились гимназии и уездные училища. Н. М. Карамзин получил звание историографа и был поощрен в своем стремлении создать историю Отечества.

Все это также будоражило общественное мнение, озлобляло реакционное дворянство. К тому же реформа управления, создание министерств лишь усилили бюрократические основы государства. Неудачи во внешней политике и позорный для России Тильзитский мир еще более накаляли обстановку. По существу, Александр отступил от своей идеи невмешательства в дела Европы и пренебрег именно национальными интересами страны.

Еще не затихло недовольство, связанное с заключением Тильзитского мира, еще свежа была в памяти деятельность "якобинской шайки" — Негласного комитета, а на Александра обрушилось новое недовольство правящих верхов. Оно хорошо перекликалось с тем возмущением, которое было вызвано первыми подступами Александра к реформам и Тильзитскому миру и было выражено тогда в так называемом письме известного деятеля адмирала Мордвинова к Александру I.

"Если Ваше Величество удостоит обратить свой взор с пружин правления

на их действия, какая ужасная картина всеобщего расстройста в государстве представится отеческому Вашему сердцу, — говорилось там, — моровая язва, приближающаяся к нашим границам и угрожающая распространиться даже во внутренности государства, возмущение народа в Астрахани, прекращение внешней и внутренней торговли, товары, остановленные в Макарьевской ярмарке, непослушание уральских народов, явное неповиновение работников на железных заводах в Перми; крестьяне немецкие ожидают лишь первого знака к возмущению, жида, притесненные в гражданском их существовании без всякой основательной причины и побуждаемые внешним влиянием, готовы все предпринять против правительства, которое с ними одними нарушает правило терпимости веры, в коем оно дало пример другим нациям; польские крестьяне и их господа, ободренные прилипчивым примером вольности, дарованной смежным соотечественником, крымские татары, упоенные фанатизмом, готовые соединиться с турками; необыкновенная дороговизна в столицах, голод в пограничных губерниях, недостаток рук и скота, похищенных от земледелия рекрутскими наборами и милицией, и от севера до юга во всех губерниях все классы подданных, дворяне, духовные, купцы и земледельцы, движимые одинаковым чувством отчаяния и возмущения; финансы, истощенные двумя несчастными войнами, патриотические пожертвования, истраченные без всякой пользы, чрезмерное умножение ассигнаций без нужды, соблазнительная роскошь в строении домов в столицах, наругающаяся бедность в губерниях, и источники государственных доходов, истощенные даже и у крестьян не истинными нуждами отечества, нося удовлетворение ненасытной алчности всякого рода грабителей, явно ободряемых систематической терпимостью.

Армия потеряла прежний дух свой, огорченная потерей бесполезно пролитой крови, без опытного начальника, к которому бы могла иметь истинное доверие, презирая тех, кого одна личная благосклонность монарха подтверждает против всеобщего мнения, вновь укомплектованная рекрутами, без повиновения, без правил настоящего

устройства и, наконец, имея недостаток попеременно в оружии, в военных припасах и в провианте.

Милиция, обманутая в справедливой доверенности к торжественным обещаниям монарха, призванная единственно на время войны и употребленная на укомплектование армии, как обыкновенные рекруты.

Морская сила еще в жалостнейшем положении, нежели армия! Состоящая в одном Сенявинском флоте и заслуживающая свое наименование одними бесполезными и чрезмерными издержками; Сенявин, заслуживший своим достойным поведением общее одобрение народа, уважаемый как воспитанник Мордвинова и притесняемый, равно как и он.

Департамент иностранных дел обнаружился миром, теперь обнародованным, но имея хотя то одно достоинство, что будучи управляем иностранцем, который оставил по крайней мере отечеству утешение, что не имя русского покрыто будет вечным посрамлением.

Духовенство навлекло на себя презрение народное ненавистью и ругательством, которых правительство от него требовало, чтобы оно произносило против врага отечества, и отринутое самим правительством.

Ежели внутреннее положение России возбуждает справедливое опасение, равно и внешние отношения не представляют ничего утешительного. Она не имеет более союзников, ибо она их всех обольстила тщетным надеянием на свои силы и потом оставила без всякой защиты". В заключение письмо призывало царя: "Положитесь более всего на дворянство, на сию твердую подпору государства, на сие сословие, которое поставляет единым преимуществом проливать кровь за Отечество, признавать государя своим покровителем и гордиться его доверенностью".

Другие предпринятые в течение первых лет правления реформы государственного переустройства в России, будучи нерешительными, половинчатыми, не только не давали никакого эффекта, но, напротив, отягощали страну новыми неурядицами и трудностями. Они подвергались атакам как справа, так и слева.

Вот лишь два мнения, исходящие, казалось бы, из разных общественных полюсов. А на деле оказавшихся просто мнениями честных и прозорливых людей, независимо от их общественной позиции. Декабрист А. А. Бестужев говорил на следствии: "В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов — везде, где замешан интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал". А Н. М. Карамзин в своей знаменитой "Записке о древней и новой России", которая традиционно почему-то считается чуть ли не верхом русского консерватизма, с возмущением произнес свои вещие слова, которые буквально уничтожили результаты половинчатых и недальновидных александровских преобразований: "Везде грабят и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал просьбу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, какого они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни".

Н. М. Карамзин обрушивается на всю систему преобразований первого десятилетия царствования Александра I, не оставляя без внимания практически ни одну из сторон общественной жизни. Особенно он негодует по поводу нового статуса министерств, которые были поставлены в прямую личную зависимость от монарха, а фактически были бесконтрольны и насаждали произвол, монополизм, местничество и коррупцию. И хотя Александр не дал ход этой "Записке", положил ее под сукно, где она пролежала несколько десятилетий (что уже само по себе ставит под сомнение ее безоговорочно консервативный характер), но уже одно то, что он внимательно ознакомился с ней, а фактически — с мнением наиболее мыслящей части русского дворянского общества,

показывает большую осведомленность императора в делах страны и в оценках этих дел в различных слоях русского общества.

Эти оценки не могли не вызвать разочарования у Александра, но в делах реформ для него лучше было недовольство людей мыслящих, нежели ярость тупой и себялюбивой помещичьей массы, готовой стереть в порошок любого, кто покушался на ее интересы.

В результате Александр не устоял перед натиском реакционного дворянства, требовавшего убрать "преступника, изменника и предателя" — М. М. Сперанского. Человек, с которым Александр замышлял свои первые реформы, был отправлен в ссылку, но у царя хватило мужества признаться своему другу А. Н. Голицыну: "Если у тебя отсекли руку, ты, наверное, кричал бы и жаловался, что тебе больно: у меня прошлой ночью отняли Сперанского, а он был моей правою рукою".

Аналогичная ситуация сложилась с решением крестьянского вопроса в стране, который в первые годы XIX в. так жарко обсуждался в Негласном комитете. Несомненно, что Александр остался верен принципам молодости и делал попытки сдвинуть крестьянский вопрос с мертвой точки. Так, встав на престол, он прекратил раздачу государственных крестьян в частную собственность. А далее началось топтание на месте.

Исследователь данного вопроса С. В. Мироненко объясняет это следующим: "Убежденный, что крепостное право есть зло, что отношения помещиков и крестьян не могут более существовать в прежнем виде, он так и не смог даже для самого себя определить принципы переустройства крепостной деревни".

Но дело, видимо, не в том, что у Александра не было в этом отношении четкой программы. Дело как раз в другом: он всячески стремился закамуфлировать эту свою программу, хотя ее контуры, ведущие к ней шаги просматриваются довольно четко. В его душе постоянно боролись две тенденции: с одной стороны, он хотел облагодетельствовать страну, миллионы закрепощенных людей, выступить инициатором крупнейшего поворота в жизни Отечества по направлению к современной цивилизации, а с другой, обуянный нерешительностью и животной

трусостью, стремился тщательно скрыть эти свои намерения и переложить инициативу в деле освобождения крестьян на плечи самого дворянства, которое, увы, в это время было еще ни духовно, ни материально к этому совершенно не подготовлено.

Появившийся в 1801 г. в Петербурге его бывший наставник Лагарп, который возглавлял ранее Гельветическую республику в Швейцарии и вынужден был столкнуться с той же проблемой — отменой в этой стране крепостного состояния крестьян, предупреждал Александра, что этот вопрос "очень легко решают в кабинетах, но с величайшим трудом в действительной жизни". Он советовал императору проявлять здесь выдержку и постепенность, "а главное — без малейшего посягательства на права собственности".

По существу, именно в либеральном окружении Александра зарождается та основная идея решения крестьянского вопроса — осторожность, постепенность, охранение интересов помещиков, которая так полно в дальнейшем вызрела уже в умах деятелей эпохи отмены крепостного права в России, получила дальнейшее развитие в реформах П. А. Столыпина и досталась по наследству еще Временному правительству.

Основная общественная и политическая сила России вплоть до начала XX века — помещичий класс — вовсе не хотела быть унесенной ветром "аболиционизма", и это прекрасно понимали не только императоры, но и их противники: даже декабристы весьма осторожно и противоречиво подходили к решению этой проблемы.

Александр, видимо, понял это одним из первых государственных деятелей страны, поскольку ему пришлось вплотную столкнуться с этой проблемой.

И тем не менее он осторожно, постепенно, с большой оглядкой, постоянно иницируя дворянство и как бы отстраняясь от личного участия в этом вопросе, продвигал его вперед.

В 1811 г. в России была переведена книга польского сенатора В. Стройковского "Об условиях помещиков с крестьянами", в которой он описал наиболее выгодное устройство сельского хозяйства, учитывающее

ликвидацию личной зависимости крестьян от помещиков.

В России книга вызвала дружное негодование крепостников, и один из них, В. В. Попов, обратился с возмущенным письмом к Александру. "Государь! — писал автор. — Благосостояние и сила империи основываются на твердости связей, все части соединяющих. Внушения о расторжении их весьма опасны".

Прочитав письмо, Александр пришел в ярость: "Писание ваше нахожу я совершенно излишним", — отвечал он своему корреспонденту. Но это было личное письмо — не более, хотя и оно показывало общее настроение мыслей Александра.

Аналогичный случай повторился через три года, когда государственному секретарю адмиралу Шишкову было поручено изготовить проект манифеста по случаю победы России над Наполеоном.

Верный своим реакционным воззрениям, Шишков восхвалял в проекте крепостное право, патриархальные отношения крестьян и помещиков ("Существующая между ними, на обоюдной пользе основанная, русским нравам и добродетелям свойственная связь... не оставляет в нас ни малюго сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой — они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в коем процветают добронравные и благополучные семейства").

По словам самого Шихова, Александр, прочитав проект, вспыхнул, оттолкнул от себя бумаги и сказал: "Я не могу подписывать того, что противно моей совести и с чем я нимало не согласен", затем он вычеркнул слова "на обоюдной пользе основанная". После этого случая Шишков пришел к выводу, что у императора сложилось "несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка".

Позитивная оценка Шихова была снята, но общую его характеристику как существующего в России общественного явления Александр оставил без изменения. В этом он был весь: все понимающий, хранящий в

глубинах души свои истинные пристрастия и принципы, осторожный и внимательный политик.

Невольно вспоминаются оценки, данные ему мемуаристами и историками: робкий, двуличный, пассивный и т. д. Да о нем ли все это было сказано? Реальная жизнь показывает нам совсем иное — натуру целеустремленную, властную, исключительно живую, способную на чувства и переживания, ум ясный, прозорливый и осторожный, характер гибкий, способный к самоограничению, к мимикрии, учитывающий, с какого рода людьми в высших эшелонах российской власти приходится иметь дело.

В это трудное, переходное для России время, в период тяжелой борьбы с Наполеоном, послевоенного переустройства Европы, окруженный временами как всеобщим почитанием, так и всеобщим недовольством, находясь под постоянным страхом государственного переворота, он просидел на троне без малого четверть века — одинокий, всегда закрытый и легко и хорошо чувствующий себя, по мнению мемуаристов, лишь с самыми близкими к нему людьми — сестрой, старыми флигель-адъютантами, слугами — камердинером, парикмахером; здесь он мог быть самым собой...

Шло время, Александр по-прежнему осторожно, но настойчиво подвигал вперед решение крестьянского вопроса. В 1816 г. он поддержал инициативу эстляндского дворянства, проявившего готовность освободить крепостных крестьян.

По новому положению, утвержденному императором, крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю: знакомый для XIX в. мотив впервые достаточно громко прозвучал на всю Россию.

В 1817 г. Александр попытался подтолкнуть к такой же инициативе помещиков Малороссии, поручив через генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина предводителю дворянства Полтавской губернии С. М. Кочубею подать на этот счет свои предложения. Через год С. М. Кочубей составил "Правила для свободного состояния помещичьих крестьян" и представил их царю. Все дело совершалось в глубокой тайне. Кочубей ушел от

решения вопроса об отмене крепостного права и тем вызвал глубокое разочарование царя. Когда же Репнин, инспирированный Александром, в 1818 г. на собрании дворян Полтавской и Черниговской губерний произнес речь, в которой призывал дворян принести "жертвы" "для пользы общей", это вызвало взрыв негодования крепостников и вновь встревожило Александра. Малороссийское дворянство, в отличие от помещиков Прибалтики, не желало проявлять подобной инициативы.

В этом же году, отправляясь в Варшаву, Александр сказал своему флигель-адъютанту Лопухину, "что он непременно желает освободить и освободит крестьян от зависимости помещиков", а когда Лопухин сказал ему о трудностях в этом деле и возможном сопротивлении, Александр ответил: "Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ". И снова мы видим знакомую линию: упорное желание продвинуть вперед дело и страх перед возможной реакцией российского дворянства.

В 1817 г. в Курляндии и в 1819 г. в Лифляндии по просьбе тамошнего дворянства, так же как и в Эстляндии, было отменено крепостное состояние крестьян; поступила просьба на этот счет и от дворянства Литвы. В 1819 г. Александр заявил по случаю проведения реформы в Лифляндии: "Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастья народов".

Наконец, на 1818-1819 гг. приходятся еще две попытки Александра осуществить свои планы решения крестьянского вопроса: он поручает внести предложения на этот счет А. А. Аракчееву и министру финансов Д. А. Гурьеву.

Уже сам выбор очередных кандидатов в реформаторы показывает, насколько серьезно Александр относился к своей идее об освобождении крестьян. Ни перед тем, ни перед другим ему не было необходимости кокетничать, играть в либерализм, оба являлись его доверенными людьми, оба были беспрекословными исполнителями его воли, прекрасно

улавливали умонастроение монарха; к тому же им Александр изложил свои принципы решения вопроса, в основе которых лежала мысль о невозможности нанести какой-либо ощутимый урон помещикам.

Вскоре А. А. Аракчеев представил свой проект. Его автор был одним из первых в России, кто заговорил о возможности выкупа крестьян с землей посредством кредитной операции, которая была положена в основу и реформы 1861 г. И хотя проект был одобрен Александром, не было сделано ни малейшей попытки претворить его в жизнь.

Для рассмотрения проекта Д. А. Гурьева был создан специальный комитет, который и одобрил его. В основе проекта лежала мысль о постепенном введении в России "различных родов собственности" на землю. И отношения между крестьянами и помещиками должны были строиться на основе соглашения сторон. Этот проект пытался скопировать в России долгое, многовековое развитие деревни в странах Западной Европы, закончившееся утверждением в земледелии свободного предпринимательства.

И тот, и другой проекты также разрабатывались в глубокой тайне. Такова была плата за страх и учет законодателями, и в первую очередь Александром, реальной действительности. И как результат — никаких практических движений в этом вопросе.

И все же помещичий класс безошибочным чутьем определил приближение новых времен и находился, по словам М. М. Сперанского, в "припадке страха и уныния". "Опасность для помещиков, — писал он в 1818 г., — состоит в том страхе, который теперь везде разливается". Слухи о готовящемся освобождении крестьян получили широкое распространение. И об этом страхе и этом унынии не мог не знать Александр, для которого в самом противостоянии дворянства и освобождения крестьян таилась колоссальная личная опасность.

Но все— таки трудно отрицать, что Александр неуклонно старался продвинуть свои идеи в среду помещиков, осторожно готовил общественное мнение, не отказывался вплоть до начала 20-х годов от своих убеждений.

Параллельно с попытками дать ход крестьянскому вопросу Александр I стремился столь же деликатно и осторожно прозондировать почву относительно разработки в России конституции.

Первые подступы к ней начались еще во время доверительных разговоров Александра со своими "молодыми друзьями" в Негласном комитете. Затем идея представительного правления неоднократно высказывалась Александром в период выработки под руководством М. М. Сперанского государственных реформ.

Наиболее полно конституционные идеи Александра и его окружения были воплощены, увы, не в России, а на сопредельных территориях, недавно вошедших в состав империи, — в Финляндии и Польше.

17 Сентября 1809 г. по Фридрихсгамскому договору после поражения в войне Швеция признала факт перехода Финляндии к России. Сам этот переход Финляндии сопровождался рядом специфических обстоятельств. Финляндия до этого являлась шведской провинцией, и ее представители, согласно действующим на ее территории шведским конституционным актам 1772 и 1789 гг., воплощающим черты сословно-представительной монархии, формально имели те же права, что и шведы. Финские представители на заседаниях риксдага участвовали в решении законодательных и финансовых вопросов. Но финны были здесь в меньшинстве, и интересы провинции нередко нарушались. Шведское правительство зачастую препятствовало экономическому прогрессу края. Финны были стеснены в употреблении родного языка, так как государственным языком был шведский. Это порождало антишведские настроения среди части финского общества, особенно его высших слоев. Не раз финские оппозиционеры пытались найти контакты с правительством России.

Все перечисленные выше моменты значительно облегчили сам процесс вхождения Финляндии в состав России. Однако это порождало и определенные политические трудности. Россия должна была дать Финляндии то, что не давала Швеция.

Необходимо было иметь в виду, что Финляндия входила в состав страны

с конституционным устройством, сословным представительством, элементами разделения властей, отсутствием крепостной зависимости сельского населения.

Но парадокс ситуации заключался в том, что в России безоговорочно господствовала абсолютистская монархия, в которой либеральная верхушка, как об этом шла речь выше, лишь весьма робко и непоследовательно продвигалась по пути политических реформ. Само слово "конституция" вызывало яростную дрожь мощных консервативных сил России, что ощущал и сам Александр I, и его либеральный протеже Сперанский.

И все же внешнеполитические аспекты проблемы, а также, возможно, и внутренние побудительные мотивы Александра I взяли верх. Думаю, что именно этот синтез и привел к появлению такого политического феномена начала XIX в. в России, как финское конституционное политическое устройство в рамках абсолютистской империи с мощным консервативным помещичьим классом и почти нетронутым крепостничеством. И здесь на первый план выступила фигура Сперанского с его уже разработанной системой политических преобразований в России, которые должны были перевести страну постепенно на рельсы конституционной монархии. Известен его основополагающий принцип, в соответствии с которым он разрабатывал свои реформы: "Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к общежитию". Но в то же время он подчеркивал: "От державной власти (которую, по его мнению, представлял император. — А. С.) возникает закон и его исполнение". Кроме того, Сперанский полагал, что законы должны вполне соответствовать уровню политического общественного развития страны. Политическое устройство Финляндии и стало для Сперанского, возможно, наиболее полным выражением его реформаторского кредо, которое он разработал к 1809 г. для России, но которое так и осталось прекрасной

мечтой умеренного либерала и конституционного монархиста начала XIX в.

Осенью 1808 г. в Петербурге появилась депутация финских представителей всех сословий, вызванная туда по указанию императора. Уже здесь произошло первое столкновение финских традиций с русскими великодержавными замашками. Пригласили в основном представителей дворянства и духовенства, дискриминировав бюргерство и крестьянство. Это вызвало недовольство городского сословия. Крестьянский депутат, будучи не избранным, а назначенным, отказался войти в состав депутации. С недовольством депутации в целом пришлось столкнуться Сперанскому, который, опираясь на свои предшествующие разработки и изучение условий Финляндии, пришел к выводу о необходимости искать пути политического устройства Финляндии на основе автономии и сохранения здесь местных традиций. Его намерения пошли и далее. В одном из документов того времени он писал, "чтобы внутренним устройством Финляндии предоставить народу сему более выгод в соединении его с Россией, нежели сколько он имел, быв под обладанием Швеции".

Практически Сперанский руководил созданной Комиссией финляндских дел. В инструкции этой комиссии, выработанной при активном участии Сперанского, уже проводились идеи, которые позднее легли в основу Конституции Финляндии. Там шла речь об "Особом политическом бытии" страны, о "созыве земских чинов", которые совместно с монархом решали бы общественные дела по части законодательства и хозяйственного управления. Комиссия разработала "План общего управления Финляндии", который был положен в основу политического устройства страны. Он отвергал взгляды как националистические, так и консервативные. 10 марта 1809 г. в Борго открылся сейм, на который в сопровождении Сперанского прибыл Александр I. Сперанский подготовил для императора речь на открытии сейма, а также текст грамоты от 15 марта об утверждении религии и основных законов Финляндии. Оба текста содержали обязательства царя "утвердить и удостоверить

религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности, и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии". В этих документах, особенно в грамоте от 15 марта, которая объявляла Финляндию Великим княжеством в составе России, декларировались принципы незыблемости законов, столь милые сердцу Сперанского, соблюдение прав и привилегий всех сословий Финляндии. Характерно, что, по мысли Сперанского, Великое княжество Финляндское связывалось формально не с Россией, а с особой царя, становящимся его верховным правителем наряду с конституционными политическими учреждениями. Александр I занял здесь место шведского короля с титулом "великого князя Финляндии". По существу, это отгораживало новое княжество от распространения на него русского права и вмешательства русских учреждений.

Вторым конституционным учреждением, созданным по мысли Сперанского и нашедшим место в "Плане общего управления Финляндии", стал Правительственный совет — высший исполнительный орган великого княжества, выступающий посредником между финским сеймом и русским императором. Он наделялся и судебными функциями, хотя на местах сохранялись местные судьи средневекового типа — гефгерифты.

Но самое, пожалуй, важное в реформистском подходе Александра I — Сперанского к политическому устройству Финляндии стало осторожное и настойчивое приближение к организации там свободного изъяснения общественного мнения — и через сейм, и через Государственный совет, и путем подтверждения традиционных для края прав и свобод, и в первую очередь права частной собственности, о котором в применении к Финляндии Сперанский писал как об одном из "главнейших предметов... политического существования". Эти усилия продолжались и далее. В 1811 г. во время бесед, сопровождавших чтение Н. М. Карамзиным Александру I своей "Истории государства Российского", в Твери, в доме

сестры царя великой княгини Екатерины Павловны, император продолжал высказывать свои конституционные планы. "Говорил с ним немало, — писал впоследствии Н. М. Карамзин, — и о чем же — о самодержавии!... Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренне удивлялся его разуму и скромному красноречию".

Четкие очертания конституционного плана императора проявились и в период послевоенного устройства Европы, и решения судьбы бывшего наполеоновского сателлита герцогства Варшавского, большая часть которого вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское. Согласно "Дружественному трактату", подписанному в Вене в апреле 1815 г. между Россией, Австрией и Пруссией, поляки, живущие на территориях, отошедших к этим державам, "будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений".

Александр выбрал для Польши хоть и ограниченную, но конституцию.

Произошла неслыханная вещь: Россия, по существу, санкционировала создание в рамках своей государственности еще одно конституционное образование, пусть и оговоренное словами о традициях Российской империи.

В мае этого же года Царству Польскому уже была высочайше дарована конституция, предоставлено самоуправление, право иметь собственную армию; получили поляки и свободу печати. Так вторично в составе России самодержавная власть была ограничена конституционными нормами.

Но Александр на этом не остановился. Как пишет по этому поводу С. В. Мироненко, он рассматривал конституционное устройство Польши "как первый шаг на пути к конституции русской... Конституция Царства Польского была для Александра I своеобразным экспериментом. Польша стала как бы объектом проверки реальности задуманного императором симбиоза конституции с самодержавной властью".

В марте 1818 г. открылся первый польский сейм, на который прибыл Александр I, и уже 15 марта в его стенах он произнес речь, которая поразила современников. Вот что услышали Польша, Россия, Европа: "Образование, существовавшее в вашем краю, позволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные . Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю (курсив мой. — А. С.) и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости".

Этой речью Александр ясно подчеркнул свою давнюю приверженность к конституционным идеям, понимание того, что Польша уже созрела для конституции, а Россия созреет в недалеком будущем, ограниченном, по крайней мере, рамками жизни самого Александра.

Его конституционные намерения очень четко накладывались и на планы в области освобождения крестьянства от крепостного права, которые продвинулись быстрее в экономически более развитых районах России — Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, но которые, как это показывает разработка секретных проектов Аракчеева и Гурьева, рано или поздно должны были дойти и до России.

Чуть позднее, как бы развивая мысли, высказанные весной в Варшаве, император заявил в беседе с прусским генералом Мезоном буквально следующее: "Наконец все народы должны освободиться от самовластия. Вы видите, что я делаю в Польше и что я хочу сделать и в других моих владениях". Эти слова стали немедленным достоянием публики.

И хотя эта речь, как и всякие публичные выступления любого властителя, содержала в себе некоторые демагогически-патетические ноты, она тем не менее отразила одну любопытную деталь: Александр признал в ней, что в течение всей своей жизни не расставался с помыслами, появившимися у него еще в юности и много раз

обговоренными в беседах с Лагарпом, Чарторыйским, в Негласном комитете.

Его жизненная линия, обозначенная в царскосельской тиши, по существу, не прерывалась, как не прерывалось и осознание своей самодержавной власти, внушенной ему с детства, власти, которая давала право и возможность даровать свободы своим подданным.

В этих противоречивых тенденциях был весь Александр, но надо понимать, что сами эти противоречия были сотканы системой и трудно было бы требовать от человека того, что он не мог совершить. Александр предпринимал шаги, направленные на конституционное переустройство России, но не так уж далеко отдалялся от трона, крепко держался за него обеими руками, и эта роковая связь и возвышала, и тяготила, и мучила его.

Как и в случае с колебаниями Александра в крестьянском вопросе, его проконституционные действия в Польше и заявление о намерении ввести конституционное правление и в России вызвали восторг передовых людей и повергли в шок консервативное дворянство.

Будущие декабристы приветствовали эти шаги царя. Н. М. Карамзин в одном из своих писем к другу отмечал, что речь Александра "сильно отразилась в молодых сердцах: спят и видят конституцию". Зато среди крепостнически настроенных слоев дворянства эти действия и эти заявления царя немедленно были связаны с намерением освободить крестьян. Не случайно живший в это время в Пензе и хорошо чувствовавший психологию провинциального дворянства Сперанский писал в одном из своих писем в столицу, что слухи о скором освобождении крестьян взбудоражили страну — и не только помещиков, существует опасность возникновения "в черном народе мнения, что правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение".

Так уже на исходе второго десятилетия XIX в. российская молва связала с именем Александра весьма радикальные для своего времени, особенно

в сравнении с политикой предшествовавших царствований, намерения.

Александр продолжал давать пищу для новых слухов и нового недовольства российского дворянства. Там же, в Варшаве, он поручил группе своих советников во главе с бывшим членом Негласного комитета, одним из своих "молодых друзей" Н. Н. Новосильцевым разработать проект конституции для России. Вскоре появился ее предварительный набросок — "Краткое изложение основ", а позднее проект и самой конституции под названием "Государственная Уставная грамота Российской империи", основной смысл которой заключался в превращении России в конституционную монархию. Этот первый в истории развернутый конституционный проект России имел в виду введение в стране двухпалатного парламента, местных представительных органов — сеймов, разделение законодательной и исполнительной власти между императором и выборными органами.

Конституция декларировала свободу слова, печати, вероисповеданий, равенство всех граждан империи перед законом, неприкосновенность личности.

По поводу собственности в этом документе говорилось: "Всякая собственность на поверхности ли земли находящаяся или в недрах оной сокровенная, какого бы рода ни была, в чем бы ни состояла и кому бы ни принадлежала, признается священной и неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предлогом посягнуть на нее не может. Посягающий на чужую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия".

И хотя "Уставная грамота" сохраняла суверенитет императорской власти и тем самым лишь несколько подкрашивала облик самодержавия, оставляла в неприкосновенности все дворянские привилегии, она являла собой значительный шаг по пути к буржуазному праву, к буржуазной монархии.

Таким образом, к 1820 г. Александр был весьма близок к тому, чтобы ввести в России конституционное правление.

Однако этого не произошло. И этот проект, как и другие благие

секретные (и прогрессивные в условиях российской действительности) начинания Александра I, канул в лету, что и дало повод его позднейшим критикам обвинять императора во всех смертных грехах.

Заметим, что за три недели до смерти, в Севастополе, после обеда с адмиралами Черноморского флота, во время беседы с начальником Главного штаба И. И. Дибичем Александр заметил: "А все-таки, что бы ни говорили обо мне, я жил и умру республиканцем". Барону Дибичу, будущему палачу Польши, император таких слов мог бы и не говорить, они, видимо, вызвали у него лишь удивление.

Говоря об истории царствования Александра I, нельзя не сказать о его соратниках, о тех людях, которых он приближал к себе, на которых опирался. Они, их умонастроение, их идеалы во многом характеризуют и самого императора.

Как известно, уже к середине 1801 г. он освободился от титулованных участников заговора, консервативных аристократов Панина, Палена, братьев Зубовых и их сторонников. Уцелел лишь генерал Беннигсен, но и ему некоторое время было запрещено жить в столице. На политической сцене заблистали его "молодые друзья". А. Чарторыйский возглавил, пусть и ненадолго, иностранное ведомство, В. П. Кочубей сменил его на этом высоком посту. Постоянно рядом, в числе членов Негласного комитета, были Н. Н. Новосильцев и П. А. Строганов. В России появился Лагарп; все они были сторонниками конституционной монархии, их идеалом стало английское государственное устройство, они были очевидными противниками крепостного права, но проводить реформы предлагали осторожно, постепенно, примеряясь к реальной российской действительности. Александр постоянно советовался в делах со своими молодыми генерал-адъютантами, представителями высшего дворянства, но настроенными весьма либерально, — князьями П. М. Волконским и П. П. Долгоруким. Уже с 1803 г. он привлек к себе М. М. Сперанского и сделал официальным историографом Н. М. Карамзина.

Сперанский слыл также сторонником конституционной монархии, принципа разделения властей. Карамзин полагал, что просвещенный

монарх, строго соблюдающий закон, — это идеал правителя для России, но именно просвещенный и законопослушный. Позднее его оценка царствования монарха-деспота Ивана Грозного в IX томе "Истории государства Российского" потрясла петербургских ретроградов.

При Александре выдвинулся и граф С. С. Уваров, ставший сначала попечителем Петербургского учебного округа, а позднее президентом Академии наук и министром просвещения (уже в николаевское время). Воспитанник Геттингенского университета, владевший свободно несколькими европейскими языками, почитатель французских и немецких просветителей, он, будучи поклонником идеологической философии, считал, что историей народов, "великой эволюцией человечества", руководит Провидение. Смысл этого руководства заключается в том, чтобы примирить права личности как создания Бога с правами гражданина в государстве. Он был безусловным сторонником распространения гражданских и политических свобод по западному образцу и считал их высшим выражением исторического развития "морального порядка" или "общего прогресса". В своей речи в Петербургском педагогическом институте в 1818 г. он заявил, что политическая свобода — это "последний и наиболее прекрасный подарок Бога". Но движение к этой свободе должно происходить органично, без насилий и революций. Просвещенный монарх же является организатором и гарантом этого движения. Только тогда, когда Россия вступит в период зрелости в смысле социально-экономическом, политическом, культурном, и будет возможен переход к ликвидации ее общественных язв и к наступлению царства гражданских свобод. "Истинная монархия", правовое государство (по Сперанскому), идеи Монтескье, Бенджамена Констана, английских конституционалистов — вот концепционная опора Уварова — создателя теории "Православие, самодержавие, народность", проникнутой этими идеалами. Для Уварова Александр I, выступивший с близкими идеями в польском сейме в 1818 г., и был носителем "естественного прогресса политической свободы", которая будет осуществлена в России. Для Александра Уваров был ярким и убежденным

интерпретатором его собственных мечтаний.

В первые годы XIX в. рядом с Александром появился его флигель-адъютант, молодой А. Д. Киселев, будущий реформатор эпохи Николая I, министр государственных имуществ, осуществивший освобождение от крепостной неволи государственных крестьян. Еще в 1816 г. он написал записку "О постепенном уничтожении рабства в России".

И все эти люди шли долгие годы рядом с Александром. До последних дней на высоких государственных постах были Кочубей, Новосильцев, Строганов, Уваров; с Лагарпом Александр поддерживал периодические контакты. Н. М. Карамзин также оставался его постоянным собеседником. И даже М. М. Сперанский был возвращен из ссылки и получил высокий чин генерал-губернатора Сибири.

Но одновременно его близкими соратниками в течение долгих лет оставались А. Н. Голицын, ставший в 1803 г. обер-прокурором Синода, а позднее министром просвещения и духовных дел, а также граф А. А. Аракчеев.

А. Н. Голицын был другом детства Александра и разделял поначалу его либеральные взгляды. Позднее он ударился в мистицизм, стал председателем Библейского общества, его суждения и дела приобрели обскурантистскую окраску, но он продолжал оставаться доверенным лицом императора.

А. А. Аракчеев, бывший сподвижник Павла I, наставник в важных делах юного Александра, стал в 1808 г. военным министром. Позднее он уступил эту должность М. Б. Барклаю-де-Толли, но занял высокий пост председателя военного департамента только что учрежденного Государственного совета. Безусловный монархист, человек, далекий от каких-либо либеральных поползновений, а тем более конституционно-монархических иллюзий, он был абсолютно предан Александру I, и тот высоко ценил это. Кроме того, Аракчеев как бы представлял близ царя консервативный срез общества, что показывало умение императора опираться на определенный баланс сил в обществе, на различные общественно-политические тенденции. К тому же необходимо помнить о

том, что Аракчеев был блестящим реформатором русской армии и многое сделал для ее снабжения и вооружения в период 1810-1815 гг., особенно во время Отечественной войны 1812 г. Его прежняя одномерная оценка в нашей историографии едва ли справедлива с учетом того, что он был безусловным противником военных поселений и принял на себя должность их начальника только по просьбе Александра, но далее уже неукоснительно проводит идеи императора в жизнь, которые из благонамеренных и, может быть, недурных по своему замыслу превратились на русской почве и с русскими администраторами в кошмар поселян. Аграрный проект А. А. Аракчеева, который он подал Александру I, являлся одним из самых передовых для своего времени. Всесильный временщик с 1815 г., А. А. Аракчеев содействовал возвращению из ссылки М. М. Сперанского, помог в установлении прерванных контактов Александра I и Карамзина в 1816 г., оказал содействие в издании "Истории государства Российского". Кроме того, и об этом как-то вообще умалчивается в отечественной науке, А. А. Аракчеев являлся при дворе лидером так называемой "Русской партии", в состав которой входили великая княгиня Екатерина Павловна, генерал Багратион, председатель Государственного совета Салтыков, Председатель Комитета министров Вязьмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант Балашов. Эти государственные деятели были против иностранного засилья в российской политике, демонстрировали патриотические взгляды, стремились уменьшить влияние так называемой "австрийской партии" с ее лидером министром иностранных дел Нессельроде, свести на нет англофильскую политику при дворе, проводником которой были Чарторыйский и Беннигсен, а также нивелировать влияние сторонников профранцузской ориентации. И Александр лавировал в этом политическом водовороте, имея друзей и приверженцев среди всех важных политических течений, опираясь на представителей разных общественных группировок. Это ли не свойство глубокого государственного ума, натуры одаренной и сильной?!

6. Александр I и Наполеон Бонапарт

Наиболее ярко личность и государственная практика Александра I раскрылись в его противоборстве с Наполеоном, противоборстве, которое привело французского императора на остров Святой Елены, а Александра надломило и опустошило настолько, что он, видимо, не мог оправиться от этого до конца своих дней.

Начало века Россия встретила урегулированием своих отношений с европейскими державами. Были восстановлены дружественные отношения с Англией, возобновились дипломатические отношения с Австрийской империей. Александр I заявил, что он отказывается от вмешательства во внутренние дела иностранных государств и признает в них тот политический строй, который поддержан "общим согласием" народов этих стран. С Францией сохранялись прежние дружественные отношения, однако Александр с каждым месяцем проникался все большим недоверием к первому консулу Франции. В основе этого недоверия лежала не только политика, все возрастающая экспансия Франции на Европейском континенте, о чем немало было написано нашими историками, но и отношение Александра к внутривнутриполитическим проблемам Франции, на что не обращалось внимания.

Будучи поклонником идей французской революции, республики, конституционного строя и горячо осудив диктатуру и террор якобинцев, молодой российский монарх внимательно следил за развитием событий во Франции. Уже в 1801 г., размышляя над стремлением Наполеона возвысить свою власть во Франции, над его международными претензиями, которые активно продвигал министр иностранных дел Талейран, Александр заметил: "Какие мошенники!" А в 1802 г., когда Наполеон объявил себя пожизненным консулом, Александр написал Лагарпу: "Я совершенно переменяю, так же как и Вы, мой дорогой, мнение о первом консуле. Начиная с момента установления его пожизненного консульства, пелена спала: с этих пор дела идут все хуже и хуже. Он начал с того, что сам лишил себя наибольшей славы, которая может выпасть на долю человеку. Единственно, что ему оставалось,

доказать, что действовал он без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, и оставаться верным Конституции, которой он сам поклялся передать через десять лет свою власть. Вместо этого он предпочел по-обезьяньи скопировать у себя обычаи королевских дворов, нарушая тем самым Конституцию своей страны. Сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история". Как видим, забота о конституционном строе Франции заботит Александра. Причем вовсе не обязательно считать это демагогией, так как все последние годы Александр исповедовал именно эти взгляды, да и письмо носило сугубо личный, закрытый характер. К тому же Александр совершенно верно уловил державные претензии "маленького капрала".

С 1803 г. экспансия Франции возрастает. Бонапарт организует Булонский лагерь для подготовки войск к вторжению на Британские острова, занимает Ганновер и Неаполитанское королевство. Русский посол в Париже начинает демонстрировать свое неприятие политики Наполеона, что вызывает ярость первого консула. Расстрел Наполеоном герцога Энгиенского, отпрыска Бурбонов и родственника петербургского двора, вызвал шок в российской столице.

Русское правительство заявило протест. В нем, в частности, говорилось, что Наполеон нарушил нейтралитет другого государства (герцог был схвачен в Бадене) и права человека. После провозглашения Наполеона императором Россия пошла на активное сближение с Пруссией, а затем и с Англией. Дело шло к европейской войне. Так силой обстоятельств, скорее силой своих гуманистических устремлений, неприятием циничного попирания Наполеоном законов собственной страны, а также принципов легитимизма, устоявшейся в Европе системы, Александр вынужден был отказаться от своей позиции невмешательства в европейские дела, хотя противостояние с Францией на этом этапе не было вызвано интересами России. Но уже в это время стремление осчастливить Россию путем начинавшихся реформ все больше начинает соседствовать в душе Александра с желанием "спасти" Европу от французского тирана. И не надо это желание преуменьшать или подменять его понятием "спасение

реакционных режимов Европы" и так далее, так как оно лежало в общем русле мироощущения Александра I в то время.

Для России военное противоборство с Францией было объективно нежелательно, поскольку уже в это время намечалось естественное стремление сторон путем политических комбинаций добиться для себя желаемых результатов. Россия стремилась развить успехи русско-турецких войн и претендовала на проливы и Польшу, присоединение Молдавии и Валахии; в сферу интересов России входила и Финляндия. Наполеон стремился обеспечить свободу в борьбе с Англией и хотел распространить свою власть на Южную и Центральную Европу. На этом пути были допустимы компромиссы, но была возможна и война. Последующее развитие событий показало закономерность и того, и другого. И все же следует сказать о двух основных тенденциях, которые диктовали поведение Александра. Первое — это, конечно, политика России как великой европейской державы, способной поделить Европу с Бонапартом, и крепнувшие самодержавные амбиции русского императора. Вторая — его либеральные комплексы, которые перелились с внутренней политики на международную арену. Именно в это время у Александра рождается идея, позднее выраженная в организации Священного союза, о возможности устройства европейского мира на основании гуманизма, сотрудничества, справедливости, уважения прав наций, соблюдения прав человека. Уроки Лагарпа не пропали даром. Так, направляя в 1804 г. Новосильцева в Англию на переговоры, он дал ему инструкцию, в которой начертал идею заключения между народами общего мирного договора и создание лиги народов. Вот что он писал в этом документе: "Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре при определении условий общей войны удалось установить на ясных и точных принципах требования международного права. Почему бы не включить в такой договор положительного определения прав национальностей, не обеспечить преимуществ нейтралитета и не установить обязательства

никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, предоставляемых третейским посредничеством, что дает возможность выяснять взаимные недоразумения и стараться устранять их? На таких именно условиях можно было бы приступить к осуществлению этого всеобщего умиротворения и создать союз, постановления которого образовали бы, так сказать, новый кодекс международного права". Замечательный документ, хотя и весьма преждевременный для той поры. Тем не менее Александр был едва ли не первым государственным деятелем Европы, выдвинувшим идею правового регулирования международных отношений, чем задолго предвосхитил реальные шаги в этом направлении уже во второй половине XX века.

И все же рассуждения того времени остались химерой. Реальность оказалась прозаичней. Англия стремилась к союзу с Россией для сокрушения Наполеона. Появилась новая антифранцузская коалиция в составе Англии, России, Австрии, Пруссии. При этом русские претензии на Турцию и Польшу были удовлетворены. Русские войска двинулись в Европу. Цель великой абсолютистской державы перевесила благие фантазии либерального молодого человека. Но эти фантазии оставались в его уме, и они возникнут вновь, как только для этого появятся подходящие обстоятельства.

2 декабря 1805 г. объединенная русско-австрийская армия вопреки предостережениям М. И. Кутузова встретила с Наполеоном под Аустерлицем. Разгром союзников был полным. Разбились в прах и иллюзии Александра. Он возглавил войска, определил их диспозицию, был уверен в победе... Когда же войска побежали и катастрофа стала очевидной, он разрыдался. Александр в тот день едва избежал плена, потеряв связь со штабом, с войсками. Он укрылся в избе моравского крестьянина, затем скакал несколько часов среди бегущего войска, был утомлен, грязен, двое суток не менял потного белья, потерял багаж. Казаки достали ему вина, и он немного согрелся, уснул в сарае на соломе. Но сломлен он не был, а лишь понял, что бороться с таким соперником, как Наполеон, необходимо во всеоружии физических и

духовных сил и всех сил империи. Отныне для него, крайне самолюбивого, претендующего на роль благодетеля России и Европы, Наполеон стал смертельным врагом, и с 1805 г. он целенаправленно и упорно шел к его уничтожению. Но на пути к этому были еще новые поражения на полях Пруссии, Тильзит, Эрфурт, 1812 год, пожар Москвы, Европейский поход русской армии, новые поражения от Наполеона.

Современники отмечали, что после Аустерлица Александр во многом переменялся. Л. Н. Энгельгардт, близко наблюдавший царя в то время, записал: "Аустерлицкая баталия сделала великое влияние над характером Александра, и ее можно назвать эпохою в его правлении. До этого он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду".

С этого времени Аракчеев становится при нем более заметной фигурой, а деятельность Негласного комитета постепенно замирает. И хотя реформаторские усилия царя продолжаются — все так же неторопливо и осторожно, — но время былых увлечений и откровений уже проходит: жизнь, система берет свое. По существу, первое же столкновение с Наполеоном преподало Александру жестокий жизненный урок, который он усвоил весьма основательно.

Это проявилось уже во время переговоров в Тильзите, где императоры беседовали с глазу на глаз в домике на плоту посреди Немана.

Тильзитский мир резко переориентировал русскую внешнюю политику. Россия присоединилась к континентальной блокаде против Англии, вынуждена была отказаться от поддержки Пруссии, которую расчленял Наполеон, но получила свободу рук в отношении Молдавии, Валахии и Финляндии. По существу, монархи совершили один из очередных разделов Европы. Александр демонстрировал Наполеону все свое обаяние и дружелюбие и, кажется, обманул его. Наполеон в беседе со своим адъютантом Коленкуром посчитал царя красивым, умным, добрым человеком, который ставит "все чувства доброго сердца на место, где должен находиться разум..." Это была большая ошибка Бонапарта и,

возможно, начало его будущего поражения. Между тем Александр писал своей сестре Екатерине Павловне о том, что у Бонапарта есть одна уязвимая черта — это его тщеславие, и что он готов принести в жертву свое самолюбие ради спасения России. Несколько позднее в беседе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и его женой, очаровательной королевой Луизой, Александр говорил: "Потерпите, мы свое воротим. Он сломит себе шею. Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я — ваш друг и надеюсь доказать вам это на деле... По крайней мере, я выиграю время".

На пути к Эрфурту — второму свиданию с Наполеоном и очередных с ним переговоров — Александр I продолжил эту линию: выдержка, спокойствие, доброжелательность, игра на тщеславии французского императора и стремление получить для России определенные внешнеполитические выгоды. Продолжалась торговля по поводу Польши, проливов, Константинополя, Дунайских княжеств, Финляндии, немецких государств и т. д. Одновременно Александр слал секретные письма в Англию, успокаивая британский кабинет, выражая свое твердое желание борьбы с Бонапартом. Недоверие, скрытность, двуличие — таким представал Александр в своих отношениях с Наполеоном в 1807-1808 гг. В это же время Коленкур передавал в Париж слова Александра о том, что Наполеон покори́л его в Тильзите.

Свидание в Эрфурте принесло России несравненный успех: Наполеон согласился на аннексии Россией Финляндии, Молдавии и Валахии, но воспротивился захвату Босфора и Дарданелл. Но одновременно он понудил Россию выступить на его стороне в случае войны Франции с Австрией. Русский император, спасая своего незадачливого союзника — прусского короля, добился от Франции уменьшения контрибуции с Пруссии. Настоял он и на уходе французских войск из Великого герцогства Варшавского.

И здесь Александр продолжал двойную игру. Талейран записал позднее в своих мемуарах: "Милости, подарки и порывы Наполеона были совершенно напрасны. Перед отъездом из Эрфурта Александр

собственноручно написал письмо императору Австрии, дабы развеять возникшие у него по поводу свидания опасения".

Переговоры в Эрфурте, несмотря на внешнюю сердечность, были весьма напряженными. В один из моментов Наполеон швырнул на землю свою шляпу, на что Александр возразил: "Вы — вспыльчивы. Я — упрям. Гневом от меня вы ничего не добьетесь. Давайте разговаривать, рассуждать, иначе я уеду".

Истинное отношение русского императора к Наполеону проявилось и в том, что русский двор практически отказал французскому императору в претензиях на руку сестры царя, очаровательной Екатерины Павловны. Ссылка была сделана на позицию самой Екатерины Павловны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Через некоторое время попытка Наполеона получить руку другой сестры царя, Анны Павловны, закончилась тем же результатом.

Для русского правящего дома этот брак был бы несомненным мезальянсом, и в Париже это поняли правильно. Наполеон был в бешенстве.

От 1807— 1808 гг., особенно в связи с недовольством в русском обществе результатами Тильзитского мира, доходят некоторые свидетельства действительного отношения Александра к происходящим событиям. Конечно, они могли носить защитительный характер, но, сопоставленные с его общей линией в отношении Наполеона, Пруссии, Англии, а также сопоставленные друг с другом, они дают примечательную картину. В письме к матери незадолго до встречи в Эрфурте Александр писал: "Наши интересы последнего времени заставили нас заключить тесный союз с Францией. Мы сделаем все, чтобы доказать ей искренность и благородство нашего образа действий". А в том же году, уже после эрфуртской встречи, он заметил в письме Екатерине Павловне: "Бонапарт считает, что я только дурак, но смеется лучше тот, кто смеется последний, и я возлагаю все мои надежды на Бога, и не только на Бога, но и на свои способности и на силу воли". Не случайно Коленкур в одном из личных писем Наполеону того времени,

видимо прозрев, писал: "Александра принимают не за того, кто он есть. Его считают слабым -и ошибаются. Несомненно он может претерпеть досаду и скрыть свое недовольство... Но эта легкость характера имеет свои пределы — он не выйдет за очерченный для себя круг, а этот круг сделан из железа и не гнется..."

Не случайно и сам Наполеон, уже на острове Святой Елены, вспоминал об Александре той тильзитско-эрфуртской поры: "Царь умен, изящен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец времен упадка империи... Вполне возможно, что он меня дурачил, ибо он тонок, лжив, ловок...". Думается, Наполеон прозрел слишком поздно. И это доказывается, кстати, всей последующей историей взаимоотношений двух императоров. Военному гению, силе, натиску Наполеона Александр противопоставил высочайшее дипломатическое искусство, тонкий ум, дальний расчет.

Начиная с 1808 г. царь, готовясь к будущему противоборству с французским императором, начал перестраивать и реформировать русскую армию. Два прекрасных, талантливых помощника помогали ему в этом деле — А. А. Аракчеев и М. Б. Барклай-де-Толли. К началу 1811 г. он уже располагал 225 тысячами солдат, но стремился увеличить армию еще на 100 тысяч человек. Одновременно он устанавливал отношения с английским правительством, с польскими высокопоставленными деятелями.

К весне 1812 г. отношения между Францией и Россией накалились до предела. В этих условиях Александр проявил большую выдержку, твердость духа, подлинный патриотизм. В ответ на слова Наполеона, переданные ему с одним из посланцев: "Мы создадим наши плацдармы не только на Дунае, но и на Немане, Волге, Москве-реке и на двести лет отодвинем угрозу набегов с севера", Александр подвел того к карте и, указывая на берега Берингова пролива, ответил, что императору французов придется идти до этих мест, чтобы получить мир на русской земле. В те же дни Александр говорил своему другу — ректору Дерптского университета Паррату: "Я не надеюсь восторжествовать над

гением и силами моего врага. Но ни в коем случае я не заключу постыдного мира и предпочту погresti себя под развалинами империи".

Вторгнувшись в пределы России, великая армия Наполеона стала беспрепятственно продвигаться в глубь страны. По воспоминаниям Коленкура, Наполеон надеялся закончить кампанию быстро, разгромить русских в генеральном сражении и подписать мир. "Я подпишу мир в Москве!... И двух месяцев не пройдет, как русские вельможи заставят Александра его у меня просить!..."

И действительно, в сложившейся ситуации и в дальнейшем, после падения Москвы, за мир с Наполеоном выступали великий князь Константин Павлович, канцлер Румянцев, Аракчеев, ряд видных сановников. Но Александр был неумолим. Когда в июле Наполеон сделал первую попытку мирных переговоров, переданных через генерала Балашова, то Александр попросту не ответил ему. 24 августа из Смоленска французский император написал новое письмо царю, и снова ответа не последовало. Получив от Кутузова известие об оставлении и последующем пожаре Москвы Александр разрыдался, но быстро взял себя в руки и, по словам посланного к нему полковника Мишо, сказал: "Возвратитесь в армию, скажите нашим храбрецам, объявляйте всем моим верноподданным везде, где вы проезжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главе моего дорогого дворянства и моих добрых крестьян и пожертвую всеми средствами империи... Но если Божественным Провидением предопределено, чтобы когда-либо моя династия перестала царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить. Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать; я научился понимать его; он более не обманет меня".

Твердые заверения на этот счет были сделаны и Кутузову. Военный конфликт с Францией принял для Александра I, совершенно очевидно,

форму личного и бескомпромиссного конфликта с Наполеоном, и русский император вложил в него всю силу своей ненависти, задетого самолюбия, твердости воли. В этом противоборстве Александр вдруг предстал тем, кем он и был в действительности, вернее, стал после обретения на троне уверенности, — правителем властным, сильным, дальновидным.

Вместе с тем события начала войны и особенно пожар Москвы настолько потрясли его, что он, как утверждают очевидцы, был часто грустен, начал уединяться в своем Каменноостровском дворце, который оставался почти без охраны. Тогда впервые так истово, так страстно он обратился к Богу. "Пожар Москвы осветил мою душу, — признавался он позднее прусскому епископу Эйлерту, — и наполнил мое сердце теплотою веры, какой я не ощущал до сих пор. И тогда я познал Бога".

Все попытки Наполеона из Москвы вступить с русским царем в мирные переговоры также оставались без ответа. Александр продолжал выполнять данный им обет.

В декабре 1812 г. русская армия, вытеснив французов из России, вышла к государственной границе России на Неман. Встал вопрос о дальнейшей судьбе кампании. М. И. Кутузов считал, что война на этом могла бы закончиться, что незачем более губить русских солдат. Престарелый фельдмаршал не без основания полагал, что падение Наполеона лишь усилит Англию и концерн европейских держав вопреки России. Однако Александром владели иные чувства. Он стремился теперь стать спасителем Европы, быть ее арбитром. Что было больше в этих стремлениях — самодержавных претензий хозяина империи, мессианских претензий верующего, оскорбленного Наполеоном, униженного им человека. Думается, что и первое, и второе, и третье. И все же личное противоборство с Наполеоном было одной из доминант поведения русского царя.

Теперь целью Александра стал неременный захват Парижа, низвержение Наполеона. Русский царь мотивировал эту цель благородными чувствами помощи угнетенным народам. В этом плане велось все пропагандистское обеспечение кампании. Вступление

союзных войск во Францию оправдывалось необходимостью спасти французский народ от тирании Бонапарта. И все же мы не можем не вспомнить этой решительной фразы Александра: "Наполеон или я, я или он". Кажется, это была его действительная программа не столько государя, сколько человека. Причем, когда союзники проявили колебание, Александр заявил, что он пойдет на французскую столицу с одной русской армией.

Во время заграничного похода русской армии, сражений между союзниками и Наполеоном Александр постоянно находился при армии. Но это уже не был восторженный новичок Аустерлица, но умудренный военным опытом муж, причем муж храбрый. В бою под Дрезденом, на Люценских полях, он участвовал в руководстве войсками и стоял под огнем. Во время сражения при Бауцене Александр располагался так, что видел французского императора, а тот видел его. В битве под Дрезденом Александр едва избежал гибели. Рядом с ним разорвалось ядро, смертельно поразившее генерала Миро. В битве под Лейпцигом Александр в первый день сам командовал войсками, принял ряд ответственных решений, в том числе ввод в действие резервной артиллерии, которая повернула ход битвы в пользу союзников. Во время схватки конвоя лейб-казаков и французских кирасир император находился едва ли не в пятнадцати шагах от сражавшихся. Личную храбрость и хорошую военную распорядительность Александр проявил и во второй день Лейпцигской битвы, а также в сражении за Париж.

После успеха французов под Бауценом Наполеон вновь обратился к русскому царю с мирными предложениями и вновь получил отказ. Твердость проявлял Александр и далее, в течение всего 1814 г., правда, в условиях, когда чаша весов уже склонялась в пользу союзников.

Уже после торжественного вступления в Париж Александр сказал Коленкуру, тщетно пытавшемуся спасти своего императора: "Мы решили продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее при менее выгодных обстоятельствах, и будем сражаться, пока не достигнем прочного мира, которого нельзя ожидать от человека, опустошившего

Европу от Москвы до Кадикса". Союзники заявили, что они не будут иметь дело ни с Наполеоном, ни с кем-либо из его фамилии. 6 апреля Наполеон подписал отречение, а еще через несколько дней отбыл на остров Эльба. В эти дни Александр проявил наконец-то к поверженному врагу великодушие и настоял на сравнительно мягких условиях его отстранения от власти (владение островом Эльба, огромная пенсия, 50 солдат гвардии для охраны), вопреки Талейрану, предлагавшему ссылку на Азорские острова и более жесткий режим содержания.

Однако едва весть о бегстве Наполеона с Эльбы и наступление эпохи Ста дней разнеслась по Европе и достигла Вены, где собрались лидеры тогдашней Европы для ее очередного передела, как Александр вновь проявил решительность и боевитость, которая во многом определила сплочение союзников и окончательное сокрушение Наполеона Бонапарта. От своей линии по отношению к Наполеону Александр не отказался и тогда, когда тот прислал русскому императору антирусский договор, подписанный недавними союзниками России — Австрией, Англией и посаженным на родительский престол Людовиком XVIII Бурбоном. Договор был секретным и предусматривал возможность совместных действий, в том числе и военных, против России в связи с серьезными расхождениями между союзниками и Россией по территориальным вопросам. Призвав министра иностранных дел Австрии Меттерниха, Александр познакомил его с документом, затем бросил его в камин и сказал, что дальнейшая борьба с Наполеоном требует укрепления союзных действий.

Затем последовало Ватерлоо и ссылка Наполеона на остров Святой Елены.

7. Крушение

В тот момент, когда казалось, что Александр наконец-то решится на практическое осуществление своих либеральных начинаний, под сукно были положены конституционные идеи для России; проекты освобождения крепостных крестьян, уже одобренные Александром, также

растворились в тайниках его канцелярии. На поверхности остались лишь словесные либеральные всплески и погрузневшие глаза самого Александра. На рубеже второго и третьего десятилетий его царствования начался тот поворот в его действиях, в привязанностях и в его душе, который поразил современников, поставил загадки перед будущими его биографами, поворот, который, видимо, и привел его к преждевременной смерти.

Этот поворот начался не вдруг и занял, по мнению его биографов, не один год, но четко обозначился как раз в то время, когда Александр I находился на пике своей славы, после сокрушения Наполеона и разработки планов послевоенного устройства Европы. Это было то время, когда, по словам флигель-адъютанта Александра I Михайловского-Данилевского, царь, отбросив прежнюю нерешительность и робость (впрочем, часто напускные), сделался "самодетелен, тверд и предприимчив и не допускал никого брать над собою верх", он показал воинскую доблесть, дипломатическое искусство, стал подлинным вождем страны и едва ли не Европы.

В основе этого поворота лежал целый комплекс причин, общественных потрясений, личных драм Александра.

Надо сказать о глубоком разочаровании Александра в своих бывших союзниках, их прямом сговоре против России и предательстве. Австрия и Англия медленно, но верно отодвигали Россию от решающего влияния на европейские дела. Все чаще и чаще наиболее принципиальные решения послевоенного устройства Европы принимались в европейских столицах. Практически все нити европейской политики держал в своих руках всесильный австрийский министр иностранных дел Меттерних. И это после тех великих бед, которые пережила Россия, тех жертв, которые она принесла на алтарь Европы, пожара Москвы, после того, как его, Александра, армия взяла верх в тяжелейшей войне, а сам он победителем вступил в Париж.

После вторичного сокрушения Наполеона конгресс по выработке общего мирного договора возобновил свою работу. Противоречия между

победителями не были устранены, хотя Россия и добилась признания своих претензий на Польшу, Финляндию.

Тогда же в уме Александра возникла мысль о создании Священного союза европейских держав, который регулировал бы с позиции правовых и религиозно-нравственных отношения между государствами. Эта идея содружества всех христианских народов Европы возникла у царя давно. Она была выражена еще в инструкции Новосильцеву на переговорах в Лондоне. Теперь царь вновь вернулся к этой мысли. Основные положения договора о Священном союзе, написанного собственноручно Александром I, содержали следующие статьи: союзники обязывались поддерживать узы братской дружбы, оказывать друг другу помощь, управлять своими подданными в духе того же братства, правды и мира, считать себя членами единого христианского сообщества, открыть возможность для вступления в Союз всех народов. В международных и внутренних делах государи обязывались руководствоваться заповедями Евангелия. Большинство европейских стран подписали акт Союза, среди них Россия, Австрия, Франция, Пруссия.

Существование Союза получило в истории противоречивые оценки. Его оценивали и как форму лидерства России в международных делах, и как заговор правителей против народов, и как смесь политики и мистицизма. Некоторые оценивали Союз как прообраз конфедерации Европы, основанной на стремлении все дела решать путем сотрудничества, доброй воли. Нельзя недооценивать этой добродетельной и нравственной стороны Союза. Во всяком случае, Александр, создавая его, свято верил в те принципы добра, которые он закладывал в его основу. Закономерно, что на первых конгрессах Союза он ставил вопрос об одновременном сокращении вооруженных сил европейских держав, о взаимных гарантиях неприкосновенности территории, о принятии международного статуса лиц еврейской национальности, о создании межсоюзнического штаба, предвосхитив многие последующие гуманистические международные инициативы. И поэтому особенно обескураживающим для него стал тот факт, что Священный союз был использован, в первую

очередь Австрией, как средство подавления народных движений в 20-е гг. В дальнейшем грозная революционная действительность разрушила все евангелические иллюзии Александра. Рухнули надежды на то, что Союз обеспечит внутренний порядок в странах Европы, встанет на пути смут и неурядиц, покончит с революциями и бунтами. Испания, Португалия, Пьемонт, Неаполь обозначили на карте Европы места мощных народных возмущений, подавленных силами союзников. И не случайно во время конгресса Союза в Троппау (1820 г.) Меттерних заметил в Александре разительные перемены. Тот в откровенных беседах с ним говорил, что сожалеет о своих либеральных увлечениях.

Все более заходили в тупик и внутренние дела. Конституционные реформы, планы освобождения крестьян хотя и разрабатывались в глубокой тайне, но становились известны в обществе, вызывали яростное сопротивление большинства дворянства. Это порождало в душе знакомый страх. Удар со стороны высокопоставленных заговорщиков можно было ждать в любую минуту.

Под влиянием этого страха ответственность за убийство отца все чаще и чаще бредила мысли Александра, не давала покоя. Искушение благими намерениями и благими для России делами так и не наступило, а это делало жизнь бесперспективной, бессмысленной.

Временами государственная рутина захватывала его, в эти последние годы его жизни больше было неудач, разочарований, нежели светлых минут. Детище его мечты — военные поселения — вместо облегчения положения крестьян превратились силой системы в один из самых мрачных ее символов, а жестокое подавление недовольства военных поселенцев окрашивало в ярко реакционные тона всю послевоенную внутреннюю политику Александра.

Восстал Семеновский полк, появились сведения о действиях тайных обществ в России. Против русского наместника в Варшаве — Константина Павловича — нарастало недовольство в армии и обществе, периодически приходили страшные вести о разгаре европейских революций. Во многих странах Европы народ, молодое офицерство брались за оружие, чтобы

силой установить порядки, на которые не осмеливались власти. Все это связывалось в сознании в единую и непрерывную цепь событий. В результате именно на конгрессе Священного союза в Троппау Александр вместе с прусским и австрийским монархами подписал протокол о вооруженном вмешательстве в дела других государств в целях борьбы с революцией.

В начале 20-х годов Александр впервые в масштабах не только России, но и Европы вдруг с абсолютной ясностью понял, какая пропасть лежит между его либеральными мечтами, осторожными конституционными шагами и бурей народной революции или военного мятежа. Доходившие до него слухи о тех надеждах, которые возбуждали в народе, особенно среди крепостных крестьян, вынашиваемые во дворце даже весьма ограниченные проекты общественного переустройства, не могли не ужасать его. Не в этих ли революционных потрясениях Европы и нарастании кризиса власти в России мы должны видеть ещё одну из причин отступления Александра от своих либеральных начинаний: венценосный свободолобец, осторожный реформатор вдруг почувствовал реальное дыхание свободы, которое исходило от народной массы. И этого было вполне достаточно для того, чтобы мрачно задуматься над собственными либеральными движениями.

Опасность "справа" грозила личной гибелью, опасность же "слева" ставила под вопрос всю систему, которая взрастила Александра и которой он верно служил всю свою жизнь, желая лишь привести ее хотя бы в какое-то соответствие с быстро меняющимися временами.

Думаю, что только этим можно объяснить появление в начале 20-х гг. ряда указов, которые вновь развязали произвол помещиков в отношении крестьян, позволяли ссылать их "за предерзостные поступки" в Сибирь, запретили им жаловаться на помещиков. Одновременно усилилась цензура, гонения на печать. Причем преследованиям подвергались те органы печати, которые пытались пропагандировать конституционные проекты самого Александра I. В Петербургском и Казанском учебных округах зверствовали Рунич и Магницкий, дух Аракчеева мрачно повис

над Россией.

Не произведя на свет ничего путного, Александру пришлось под давлением дворянства и страхом личной гибели, под страхом народных выступлений быстро сворачивать свои либеральные программы. Все это он с горечью видел, понимал и не мог не испытывать глубокого разочарования. "Когда подумаю, как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря; от этого устаю", — говорил он одному из своих собеседников в 1824 году, за год до смерти.

Кризисные явления нарастали во всех общественных сферах России: в экономике, финансовом деле, управлении. То, о чем писал правдиво и резко Н. М. Карамзин в своей "Записке о древней и новой России" еще в 1811 г. и что стало причиной недовольства Александра историком, теперь, в начале 20-х гг., обнажилось с ужасающей ясностью.

Один из сенаторов, получив в 1825 г. известие о смерти Александра, записал в своем дневнике следующие слова, которые как бы обобщили существующее положение вещей: "Проследив все события этого царствования, что мы видим? Полное расстройство внутреннего управления, утрата Россией ее влияния в сфере международных сношений... Исаакиевская церковь в ее теперешнем разрушенном состоянии [27] представляет точное подобие правительства: ее разрушили, намереваясь на старом основании воздвигнуть новый храм из массы нового материала... это потребовало огромных затрат, но постройку пришлось приостановить, когда почувствовали, как опасно воздвигать здание, не имея строго выработанного плана. Точно также идут и государственные дела: нет определенного плана, все делается в виде опыта, на пробу, все блуждают впотьмах".

Наряду с общими неурядицами и тупиками в общественной жизни Александр столкнулся и с личными потрясениями и драмами. Уже после войны он неоднократно признавался, что нашествие французов и пожар Москвы потрясли его воображение, поставили перед ним внутренний вопрос: а не являются ли эти ужасы карой Всевышнего за тот грех,

который лежал на его совести в связи с гибелью отца?

Начинается постепенный поворот Александра к религиозности, позднее — к мистицизму, появляется конверт с молитвами, который он постоянно носит при себе. Александр все чаще проводит время в беседах с европейскими и русскими "пророками" и "пророчицами", берет под свое покровительство Русское Библейское общество, сближается с его председателем князем А. Н. Голицыным, которого он впоследствии ставит во главе Министерства духовных дел и народного просвещения, послушно внимает душеспасительным беседам религиозного фанатика архимандрита новгородского Юрьевского монастыря Фотия.

В этом уходе в религию Александр ищет успокоения от того душевного разлада, который нарастает в его душе как в связи с общественными потрясениями и тупиками, так и в связи с крепнущим голосом совести, осуждающим его за отцеубийство. Характерно его признание, высказанное в 1816 г. графине С. И. Сологуб: "Призывая к себе на помощь религию, я приобрел то спокойствие, тот мир душевный, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира!"

В декабре 1818 г. после простуды и рожистого воспаления скончалась в совсем еще молодом возрасте любимая сестра Александра I и его близкий друг королева Вюртембергская Екатерина Павловна. Ее смерть буквально потрясла императора. Затем одно за другим с небольшими промежутками следуют страшный пожар в его царскосельском дворце и печально знаменитое ноябрьское, 1824 года, наводнение в Петербурге, которое проходило при сильном морозе и унесло много жизней.

А незадолго до этого Александр пережил еще один личный удар: в возрасте шестнадцати лет совершенно неожиданно скончалась его любимая дочь от фаворитки М. А. Нарышкиной Софья, его единственный остававшийся в живых ребенок. Поистине рок преследовал Александра и как государственного деятеля, и как человека.

А тут еще прошел слух, что не все чисто обстояло с историей рождения его отца Павла I, что он не то сам был подменен чуть не в колыбели, не то являлся двойняшкой и его кровный брат был в малолетстве увезен в

неведомые края и теперь обретается в Сибири в облике некоего Афанасия Петровича, который выдавал себя за родного дядю царя. Дело это в Петербурге вел сам Аракчеев. Есть свидетельство о том, что в 1822— 1823 гг. на ночные допросы к царю привозили из Петропавловской крепости какого-то старика. Все это также не могло не наложить печать на общее состояние Александра.

В последние годы он становился все мрачнее, все чаще уединялся, все чаще старался уехать то за границу, то в дальние края России, словно бежал от самого себя. Возможно, в этих его долгих разъездах давал себя знать и страх перед возможным покушением, тем более что сведения о создании тайных обществ с намерением убить царя и истребить царскую фамилию периодически оседали в кабинете императора. Возможно, Александр испытывал безотчетную вину перед народом, который так и не получил от него вожденной свободы, отсюда его стремление дойти во время своих путешествий по стране до каждого слоя общества, увидеть воочию, как живут крестьяне, казаки, военные поселенцы, жители степи, рабочие рудников и даже арестанты.

8. Таинственный конверт

Впервые о нежелании занять трон Александр, как мы помним, заговорил задолго до смерти и Екатерины и Павла. Но будем считать, что тогда им руководил страх перед отцом, которого Екатерина собиралась лишить престола в пользу внука Александра.

Однако для Александра вопрос этот не был исчерпан. Идея отказаться от власти, отречься от престола преследовала его всю жизнь, но особенно с того времени, когда, встав на престол через труп отца, он в полной мере вкусил, что такое власть, каких она требует жертв от человека, какие жестокие предъявляет к нему требования — и конечно, не в смысле выполнения своего долга перед народом, отечеством, как это обязана декларировать любая власть, а в том самом сокровенном, тайном понимании, которое и составляет смысл ее существования: защита интересов своего класса, сословия, клана, умение любыми путями

сохранить власть за собой, подавить противников, создать когорту сторонников, подчинить интересы общественные интересам личным и сделать это так, чтобы все выглядело совсем наоборот, искусство тонко лавировать и цинично обманывать, притворяться и жестоко карать, обладать многими другими качествами этой власти, которые и позволяют человеку власти год за годом вкушать ее сладкую и такую страшную пишу.

Я уже говорил о том, что с юного возраста в характере Александра были такие черты, которые ставили его в особое в отношении власти положение. И хотя ее дурман успешно обволакивал его в течение долгих лет, а связанные с ней права и обязанности надолго отвлекали его от обычных человеческих мыслей об эфемерном смысле этой власти, он вновь и вновь возвращался к этому поставленному еще в юности вопросу.

Конечно, можно считать, что все его разговоры об отречении были лишь тонким камуфляжем для того, чтобы обмануть противников, вызвать сочувствие друзей, как об этом пишут многие отечественные историки, но когда эти разговоры ведутся в минуты жизни весьма критические, переломные, то приходится думать и о том, что Александру в этом смысле были присущи какие-то реальные и достаточно глубокие переживания, сомнения и колебания.

Второй его порыв последовал в 1796 г., когда в период коронации Павла I он попросил А. Чарторыйского подготовить проект манифеста по случаю своего возможного будущего вступления на трон, потому что именно он теперь был прямым наследником престола. В этом никогда не опубликованном документе говорилось, что Александр, когда он станет императором, дарует народу свободу и справедливость, а затем, "исполнив эту священную для него обязанность", откажется от короны "для того, чтобы признанный наиболее достойным ее носить мог упрочить и усовершенствовать дело, основания которого он (Александр, — А. С.) положил". В этом же году он писал В. П. Кочубею: "...Я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для

предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом..." В письме к Лагарпу в 1797 г. он предполагает, когда придет его время царствовать, сначала дать России конституцию, а уже потом удалиться от власти. Историки насчитали двенадцать заявлений Александра, сделанных в разные годы, о намерении отречься от престола. Эта мысль превращалась для него в идею фикс.

События первых лет XIX в. надолго отвлекли Александра от его нетрадиционных для самодержавия мыслей, но на исходе второго десятилетия своего царствования, когда отшумела эпоха наполеоновских войн, а кризис общественный и его личный приобретал все более зримые очертания, он все чаще и чаще возвращается к этой мысли.

В сентябре 1817 г. за обедом в Киеве, по словам его флигель-адъютанта А. И. Михайловского-Данилевского, Александр произнес слова, которые затем стали лейтмотивом его беседы с братьями Константином и Николаем: "Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, — заявил император, — он должен в минуту опасности первый идти ей навстречу. Он должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока его физические силы ему это позволяют. По прошествии этого срока он должен удалиться". При этих словах, замечает далее А. И. Михайловский-Данилевский в своих дневниковых записях, на устах государя явилась выразительная улыбка, и он продолжал: "Что касается меня, я пока чувствую себя хорошо, но через 10 или 15 лет, когда мне будет 50 лет..." Как известно, Александр ушел из жизни за два года до поставленного им самого раннего срока.

Через месяц на закладке храма на Воробьевых горах он обмолвился архитектору К. Л. Витбергу, что не надеется "что-либо видеть при себе".

В 1818 г. во время конгресса Священного союза в Аахене Александр высказал ту же мысль в беседе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом: "Я перестал заблуждаться насчет благодарности и преданности людей и потому обратил все мои помышления к Богу".

Знаменателен разговор с братом Николаем Павловичем после смотра под

Красным Селом 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, которой командовал великий князь.

Отобедав в палатке Николая, Александр завел с ним в присутствии его супруги, великой княгини Александры Федоровны, беседу по поводу престолонаследия. Эту беседу впоследствии и записала супруга Николая. "Твое усердие и твоя добросовестность, любезный Николай, — сказал император, — радуют меня, тем паче что на тебя будут возложены впоследствии гораздо важнейшие обязанности и ответственность, нежели ты ожидаешь сам". Далее он подчеркнул, что государю для исполнения лежащих на нем обязанностей необходимы "сверх других качеств" еще и отменное здоровье и физические силы. "А я чувствую постепенное их ослабление и предвижу, что вскоре не буду в состоянии исполнять эти обязанности так, как всегда их понимал, почему считаю за долг и непреложно решился отказаться от престола, лишь только замечу по упадку своих сил, что настало к тому время".

Александр упомянул, что у Константина, как и у него самого, не было мужского потомства, между тем как у Николая недавно родился сын. "Итак, вы должны знать, — закончил Александр, — что вас ожидает в будущем императорский сан".

Увидев смятение супругов, он успокоил их: "Минута к тому еще не наступила: быть может, до нее пройдет несколько лет (в дневнике Николая I, вспоминавшего этот разговор, было упомянуто о десяти годах. — А. С.). Я хотел только заблаговременно приучить вас к мысли о непреложно и неизбежно ожидающей вас будущности".

И в дальнейшем Александр неоднократно беседовал на эту тему с Николаем Павловичем.

Так в 1819 г. Николай, третий сын Павла, никогда не помышлявший, по его же собственному дневниковому признанию, о престоле, вдруг увидел перед собой блистательную перспективу. Но она могла претвориться в жизнь лишь в случае либо отречения, либо смерти императора Александра.

С этого дня в очередь за Александром встал не Константин, а именно

Николай — холодный, расчетливый, невероятно честолюбивый, мстительный, как это показали последующие события, но особенно восстание 14 декабря 1825 г. и последекабристская пора.

Объективно с этого самого дня Николай всей силой законов власти должен был быть противопоставлен Александру, а над самим Александром нависло это пробужденное им в младшем брате, но глубоко, видимо, затаившееся желание стать первым лицом государства. На эту сторону отношений царственных братьев как-то не обращали внимания историки, убаюканные формальной лояльностью Николая по отношению к старшему брату, постоянно демонстрируемым им чувством любви и уважения к "ангелу" Александру, как он называл его в письмах.

Между тем события развивались.

В том же 1819г. Александр посетил Варшаву, и Константин уже в который раз подтвердил свое намерение отказаться от прав на русский престол. Цесаревич заявил брату о своем намерении вступить в брак с графиней Иоанной Грузинской, что лишало их потомство права на русский престол.

Как позднее рассказывал сам цесаревич, император заявил ему буквально следующее: "Я хочу абдикировать (то есть отречься от престола. — А. С.); я устал и не в силах сносить тягость правительства, я тебя предупреждаю, для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в этом случае... Когда придет пора абдикировать, то я тебе дам знать и ты мысли мои напиши к матушке".

Вскоре после этого Александр издал манифест. В нем говорилось: "Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола". Конечно, имелся в виду новый брак Константина с красавицей полькой.

Этот манифест, таким образом, еще более укрепил потенциальные права

Николая Павловича, у которого к тому времени уже был сын Александр, будущий Александр II.

Пока отношения между братьями оставались тайной для окружающих, но никакая тайна, если она затрагивает интересы многих людей, не может оставаться таковой долгое время.

По свидетельству очевидцев, уже в октябре 1820 г. Николай Павлович и его супругу встречали во время поездки в Берлин возгласами: "Да здравствует великий князь, русский наследник!" И в Варшаве, куда позже прибыл Николай Павлович, Константин воздал ему такие почести, которые не соответствовали его сану и привели Николая в замешательство.

Наконец 14 января 1822 г. Константин вручил Александру I официальное письмо с отказом от прав на российский престол. Среди прочего он писал, что не чувствует в себе "ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа", которые бы соответствовали тому достоинству, "к которому по рождению моему могу иметь право".

Через две недели Александр после некоторых колебаний ответил брату, что, посоветовавшись с матерью, он удовлетворяет просьбу Константина: "Нам обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу Вам следовать непоколебимому решению Вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений".

Считается, что Николай не знал об этой переписке старших братьев, но такое утверждение было бы сомнительным, если учесть, что их мать, Мария Федоровна, была в курсе престолонаследных дел и что отношения между Александром и ею со времени 11 марта 1801 г., убийства Павла и отстранения ее от власти, были непростыми.

Во всяком случае, отречение Константина еще более повысило шансы Николая, на пути которого теперь оставалась лишь жизнь Александра.

1823 год как бы подвел итог всем этим перипетиям с престолонаследием: Александр наконец официально решился сделать своим наследником Николая. Он дал поручение московскому митрополиту

Филарету подготовить по этому поводу проект манифеста. Вскоре документ был написан и одобрен царем. В нем говорилось об отказе от власти Константина: "Вследствие того, на точном основании акта о наследовании престола, наследником быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу". Далее сказано было, что этот манифест будет обнародован "в надлежащее время". После этого текст манифеста в глубокой тайне был положен в хранилище московского Успенского собора, а копии с него отосланы в Государственный совет, Синод и Сенат. Хранить оригинал полагалось "до востребования моего", как написал собственноручно на конверте Александр. В случае кончины императора конверты надлежало вскрыть "прежде всего другого действия".

Три человека, три близких и доверенных лица императора знали о содержании манифеста: сам Филарет, князь А. Н. Голицын и А. А. Аракчеев.

Рассматривая вопрос, почему же Александр не решился опубликовать манифест, Н. К. Шильдер считал, что Александр все-таки был намерен отречься от престола, почему и написал на конверте: "хранить до востребования моего". С. В. Мироненко предполагает, что в обстановке, когда рушились все мечты Александра о преобразовании России, когда у него возник тяжелый душевный кризис, обнародование этого документа без всяких условий означало бы признание Александром полного краха всех своих начинаний. "Это одновременно делало очень сомнительным, — пишет автор, — и возможность собственного отречения". Эти предположения вполне логичны, но Александр к тому же не мог не понимать, что, сделав манифест достоянием общества, он тем самым прямо указал бы на своего наследника — полного сил, честолюбивого, жесткого Николая Павловича. Вероятно, Александр, этот умнейший "сердцевед", знал своего брата лучше, чем кто-либо другой, и мог небезосновательно считать, что в условиях назревающего общественного кризиса в стране имя Николая могло быть использовано различными кругами в борьбе за власть.

А колебания Александра относительно возможного отказа от престола продолжались. К 1825 г. они приобрели у него какой-то маниакальный характер.

В январе 1824 г. в беседе с князем Васильчиковым Александр говорил: "Я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, страшно тяготящей меня". Весной 1825 г. в Петербурге в разговоре с принцем Оранским он снова высказал свою мысль удалиться от престола и начать частную жизнь. Принц пытался его отговорить, но Александр стоял на своем".

Ряд историков обратили внимание и на характер отъезда Александра в Таганрог, где он вскоре и умер.

Александр посетил в Павловске мать, погулял в саду и зашел в Розовый павильон, где его в свое время торжественно чествовали после возвращения с победой из Парижа. На следующую ночь он побывал в Александро-Невской лавре около могил своих дочерей и оттуда без эскорта, в одной коляске отбыл из Петербурга. Около заставы он приказал остановить коляску и, обернувшись, долго и задумчиво смотрел на город.

Уже будучи в Крыму, он снова возвратился к своим мыслям об уходе в частную жизнь. Так, ознакомившись с Ореандой, Александр заметил, что хотел бы здесь жить постоянно. Обращаясь к П. М. Волконскому, он сказал: "Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку".

Нельзя не вспомнить и слова, написанные позднее супругой Николая I, Александрой Федоровной, во время коронационных торжеств в Москве 15 августа 1826 г.: "Наверное, при виде народа я буду думать о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал: „Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я, потерянный в толпе, буду кричать вам "Ура!"".

Умирая и уже приобщаясь святым тайнам, Александр не дал никаких указаний относительно престолонаследия. Н. К. Шильдер заметил, что он уходил из жизни не как государь, а как частное лицо.

Сразу же после смерти императора все нити управления страной оказались в руках Николая, хотя не ему, а Константину в Варшаву писал о своей болезни Александр и просил известить об этом же мать.

Николай писал П. М. Волконскому в Таганрог в связи с организацией траурного кортежа по России: "...беру я на себя просить Вас войти в сношения со всеми местными начальствами, с главнокомандующими и с прочими местами, с коими нужно будет, довольствуясь прямо мне доносить о принятых уже мерах, разрешая наперед все, что найдете приличным... все же сношения, нужные с местами, здесь находящимися, прошу делать непосредственно через меня".

Так, официально ничего не зная о сокрытии в Успенском соборе манифеста, не ведая якобы и о переписке братьев в связи с отречением Константина, Николай берет на себя всю полноту власти.

А далее события развивались еще более стремительно, и они-то как раз и указали на истинные честолюбивые притязания Николая, которых, видимо, не мог не остерегаться Александр, хотя он понимал необходимость упорядочить династический вопрос.

Через несколько дней после смерти императора Николай уже официально и достоверно узнал и об отречении Константина, и о переходе к нему престола. Но когда он предъявил свои претензии на трон, военный губернатор Петербурга граф Милорадович и группа высших гвардейских офицеров воспротивились этому. Милорадович заявил, что если бы Александр хотел оставить престол Николаю, то обнародовал бы манифест при жизни, отречение Константина также осталось необнародованным, и вообще "законы империи не позволяют располагать престолом по завещанию". По существу, военный губернатор взял власть в свои руки.

До двух часов ночи генералы беседовали с Николаем. Великий князь доказывал свои права на престол, но Милорадович стоял на своем. В результате Николай был вынужден присягнуть Константину. Позднее он сказал об этом старшему брату так: "В тех обстоятельствах, в которые я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе". В руках

Милорадовича была гвардия, и за ним, видимо, стояли круги, среди которых кандидатура Николая была непопулярна и неприемлема.

Любопытна роль, которую в период династического кризиса сыграл любимец царя А. А. Аракчеев.

Заболев в Таганроге, Александр несколько раз вызывал к себе Аракчеева, находившегося тогда в своем имении Грузино, но тот упорно отказывался приехать, ссылаясь на тяжкое моральное состояние в связи с убийством дворцовыми людьми его экономки и сожительницы; он даже самолично сложил с себя полномочия командующего военными поселениями, чем несказанно удивил высшие чины России.

Однако, получив известие о смерти Александра, Аракчеев тут же вновь взял на себя командование военными поселениями и прибыл в распоряжение Николая. Заметим, что и в 1801 г. на призыв Павла прибыть в Петербург он не появился там вовремя и тем самым развязал руки заговорщикам. Не в этом ли мы должны усматривать одну из причин большой привязанности Александра I к Аракчееву, который в свое время предал Павла, а теперь мог предать своего нынешнего императора, почувствовав неодолимость прихода к власти Николая?

Инициатор очередного "дворцового переворота" против Николая в пользу Константина Милорадович, как известно, был убит на Сенатской площади во время восстания 14 декабря 1825 г. Каховским в момент переговоров с восставшими, на которые его послал Николай.

Заканчивая свой труд об Александре I, Н. К. Шильдер писал: "Если бы фантастические догадки и нерадивые предания могли быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление. В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр Павлович, этот „сфинкс, неразгаданный до гроба“, без сомнения, представился бы самым трагическим лицом русской истории, и его

тернистый жизненный путь увенчался бы небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости".

9. Смерть или уход

Н. К. Шильдер, как и некоторые другие историки, не избежал искуса допустить, что Александр I, возможно, закончил свою жизнь вовсе не так, как об этом было принято считать и в официальной правительственной среде на всем протяжении XIX в., и в официальной историографии. Слова, написанные Н. К. Шильдером, показывают, что дело здесь не просто в некоем кокетстве, пустом досужем разглагольствовании или погоне за сенсацией. Все творчество маститого историка показывает, что он был весьма далек от подобного рода мотивов. Трудно отказаться от мысли, что эта запись принадлежит человеку, которого тревожило что-то нераскрытое и серьезное в истории жизни и смерти Александра I. Это "что-то", думаю, тревожит любого исследователя, соприкасающегося с биографией Александра I.

Считается, что личность Александра I "не дает никакого базиса для самой постановки этого вопроса", как писал в свое время Н. Кноринг. И этот автор, как до него и другие историки — великий князь Николай Михайлович, Мельгунов, Кизеветтер, Кудряшов, считал, что Александр был натурой цельной, волевой, а главное — властолюбивой, и не в его характере было отказываться от престола, за который он с таким умом, упорством, хитростью и изяществом боролся практически всю свою жизнь. Считается, что все эти его разговоры о тягости короны, об усталости от ее бремени, о желании уйти в частную жизнь не более чем обычная для него поза, политический камуфляж.

Именно здесь и заключается основа для отрицательного ответа на вопрос о его возможном уходе от власти.

Конечно, такой подход к личности Александра I более предпочтителен, нежели странные рассуждения о его пассивности, вялости, бесхарактерности, умении плыть по течению. Умный и хитрый человек, в страшное свое время и в страшном, жестоком окружении, он сумел

обмануть не только своих приближенных, но и последующих историков.

Однако даже те, кто более реально и прозорливо оценивают характер и деятельность Александра I, все же обходят одну из важнейших доминант его жизни — вопрос об убийстве отца и о связанных с ним ужасных мучениях совести, и о паническом страхе за свою собственную судьбу, которые преследовали его в течение всей жизни. Угрызения совести, постоянный страх, восстание Семеновского полка, заговор в армии, планы цареубийства, наконец, донесение Шервуда об обширном тайном заговорщическом обществе в России, ставшее известным Александру 11 ноября 1825 г., — все это стоит в одном ряду.

Только в этой связи мы и должны, видимо, понимать его многократные заявления о желании отречься от престола: с одной стороны, это была определенная моральная отдушина, которая успокаивала, создавала иллюзию искупления тяжкого греха, с другой — эти разговоры были своеобразным громоотводом; они обманывали общественное мнение, успокаивали его, дезориентировали недовольных — если сам государь желает отречься от престола, то зачем и усилия тратить на то, чтобы убрать его от власти.

Но существует еще и третий аспект: постоянное, из года в год, повторение одной и той же мысли, причем не пустяковой, а такой, которая, претворись она в жизнь, могла бы во многом изменить судьбу страны и судьбу самого Александра; мысль эта действительно мучила императора, постоянно выплескивалась наружу, вводя в недоумение и страх близких к нему людей. Поэтому в этом главном пункте трудно согласиться с противниками легенды. Ведь все, собственно, зависело от того, в какой степени были серьезными его намерения сбросить с себя бремя власти. Сегодня меру этой степени никто уже определить точно не сможет, как никто достаточно авторитетно не сможет и отрицать серьезность подобного рода намерений, учитывая всю историю восхождения на престол Александра и его последующей жизни.

Против легенды, кажется, совершенно определенно говорят такие объективные факты, как болезнь императора в Таганроге, акт о его

смерти, протокол о вскрытии тела, многократные, во многом повторяющие друг друга дневниковые записи о ходе болезни Александра и его последних минутах, отчеты о препровождении тела из Таганрога в Петербург, похоронах в Петропавловском соборе и так далее.

Против отождествления Александра I со старцем Федором Кузьмичом свидетельствует также анализ их почерков, сделанный по указанию биографа Александра I великого князя Николая Михайловича в начале XX века.

Непохожесть на смертном одре внешнего облика умершего Александра еще современники объясняли плохими условиями бальзамирования в Таганроге, тряской в пути, действием жары, стоявшей в ту пору на юге.

Исследователи обращали внимание и на то, что Федор Кузьмич в своих разговорах, беседах часто употреблял южнорусские и малороссийские слова вроде "панок", что было совершенно несвойственно Александру I.

Все это весьма важные аргументы, направленные против существования легенды. Однако они не снимают всех существующих вопросов.

И вновь я должен обратиться к событиям, произошедшим в Таганроге, и к тому, что представлял собой старец Федор Кузьмич, скончавшийся в возрасте около 87 лет на лесной заимке близ Томска 20 января 1864 г. Кстати, вычитая 87 лет от года рождения Федора Кузьмича, мы получаем год рождения Александра I — 1777 год.

Как известно, император заболел 4 ноября 1825 г. в Мариуполе, возвращаясь из поездки по Крыму. Но впервые он почувствовал себя плохо гораздо раньше, еще в Бахчисарае, где его лихорадило.

Прибыв 5 ноября в Таганрог, он слег в постель. В этот же день сопровождавший его постоянно во всех поездках генерал-адъютант Петр Михайлович Волконский, его близкий друг и поверенный, в своем поденном журнале начал вести записи о ходе болезни.

Удивительно, что в тот же день открыли свои дневниковые записи о ходе болезни и времяпрепровождении Александра еще две особы: его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, и лейб-медик баронет Виллие, бывший личным врачом Александра I. Эти же дни были описаны

также и доктором Тарасовым, пользовавшим больного вместе с лейб-медиком Стоффрегенем, личным врачом императрицы.

Дневниковые записи Волконского и Виллие кончаются 19 ноября 1825 г., в день смерти Александра I. Дневник Елизаветы Алексеевны обрывается на 11 ноября.

Сам по себе факт начала дневниковых записей 5 ноября тремя близкими к императору людьми, записей, которые, по существу, отразили течение смертельной болезни, — поразителен. Ведь ни 4-го, ни 5 ноября, когда все трое корреспондентов взялись за перо, нельзя было и предположить, что болезнь, едва лишь покачнувшая всегда отменное здоровье Александра, примет столь трагический оборот. Это загадка, которую исследователи перед собой даже не поставили, а ведь она психологически может открыть многое. Даже безусловный противник легенды об уходе Александра I от власти великий князь Николай Михайлович писал в одной из своих статей: "Исчезновение императора может быть допустимо „на практике при безусловной охране тайны соучастников такой драмы". Что касается замены тела императора, на чем, кстати, настаивал убежденный сторонник легенды В. В. Барятинский в своей книге „Царственный мистик", то подобную версию Николай Михайлович называет просто „баснословной сказкой".

Начало дневниковых записей в один день тремя близкими к Александру I людьми может, конечно, указывать на большую озабоченность со стороны всех троих здоровьем императора. Но поскольку никакой опасности здоровью в тот день не наблюдалось, то приходится объяснять такое единодушие либо необъяснимым, либо его можно объяснить лишь желанием создать единую версию течения болезни, нужную как Александру, так и этим троим его близким людям.

В. В. Барятинский и другие сторонники легенды усматривают искусственность ситуации в расхождении сведений, содержащихся в дневниковых записях всех троих по одному и тому же поводу. Но я думаю, что эта искусственность видна совсем в другом — в создании этих дневников, хотя в них в то время не было особой необходимости.

Акт о смерти императора подписал тот же Волконский, тот же Виллие, а также генерал-адъютант барон Дибич, ставший сразу доверенным лицом при Николае I и сделавший при нем блестящую карьеру, и врач императрицы Стофреген. Протокол о вскрытии подписали врачи Виллие, Стофреген, Тарасов, а также местные эскулапы; скрепил этот протокол своей подписью генерал-адъютант Чернышов, бывший также в течение многих лет весьма близким человеком к Александру I. Наличие одной этой подписи Чернышова на важнейшем документе удивило еще Шильдера, однако великий князь Николай Михайлович в своей статье против легенды посчитал это "простой случайностью" и написал, что протокол является чистой формальностью.

Думаю, что в случаях ординарных подобный документ действительно во многом предстает как формальный. Но в иных, особых случаях именно протокол вскрытия, патологоанатомический анализ является порой ключом к серьезным историческим выводам. А это как раз и был, как показали последующие события, тот самый особый случай, который не получил адекватного отражения в документе о причинах смерти Александра I.

Не случайно позднейшие попытки изучения по этому протоколу причин и течения болезни Александра наталкивались на непреодолимые трудности и противоречия и, по существу, заводили дело в тупик по главному вопросу — об идентификации тела Александра I с телом человека, которое стало объектом этого протокола.

Таким образом, определяется довольно узкий круг лиц, которые могли быть причастны ко всем перипетиям последних дней правления Александра I. Это императрица Елизавета Алексеевна, Волконский, Виллие, Чернышов, Дибич, Стофреген и Тарасов. Даже великий князь Николай Михайлович допускает, что при желании такой состав "соучастников" вполне мог организовать "исчезновение" Александра I. Что касается подмены, то это вопрос особый и столь щепетильный, что практически его невозможно обсуждать, как, скажем, возможную подмену сына Екатерины — Павла I, о чем шла речь выше, или подмены

во многих других случаях, становившихся династическими тайнами европейских, да и не только европейских правящих домов, тайнами, унесенными в могилу их создателями.

Следует обратить внимание еще на некоторые детали, мимо которых почему-то прошли исследователи этой довольно странной проблемы. Во всех дневниковых записях говорится о том, что в последние дни около постели умирающего Александра находились и Виллие, и Волконский, и Тарасов, и императрица. Однако существует и иная версия, отличная от этого дневникового "хора". В библиотеке Дома Романовых сохранились копии двух писем о последних днях Александра неизвестного лица из семейства Шахматовых, в дом которых императрица переехала сразу же после кончины супруга. Корреспондент, обращаясь к матери и брату, в частности, пишет о поведении в те дни Елизаветы Алексеевны. Императрицу просили переехать в дом Шахматовых во время болезни государя, однако она ответила: "Я вас прошу не разлучать меня с ним до тех пор, покуда есть возможность", — после чего никто не смел ее просить, и она оставалась целый день одна в своих комнатах, и ходила беспрестанно к телу без свидетелей (курсив мой. — А. С.); и когда он скончался, то она сама подвязала ему платком щеки, закрыла глаза, перекрестила, поцеловала, заплакала, потом встала, взглянула на образ и сказала: "Господи, прости мое согрешение, Тебе было угодно меня его лишить". Все это происходило уже в присутствии врачей и Волконского.

Подобное разночтение дневниковых свидетельств и сведений этого письма нуждается в объяснении.

Обращает на себя внимание и тот факт, что записи императрицы обрываются 11 ноября. Об этом уже говорилось. Но оставалось незамеченным свидетельство Волконского о том, что именно в этот день утром император приказал позвать к себе Елизавету Алексеевну, и она оставалась у него до самого обеда. О чем беседовали супруги несколько часов, почему столь длителен был визит Елизаветы Алексеевны к государю — это остается тайной. И еще одно примечательное событие произошло в этот день: Александр получил сведения о доносе унтер-

офицера Шервуда, из которого явствовало, что в России существует обширный антиправительственный заговор, опирающийся на армейские подразделения, одна из целей которого — насильственное устранение правящей династии и введение в России республиканского правления.

Вовсе нельзя исключить связь этих событий — известие о доносе Шервуда и длительный разговор с императрицей, за которым могло последовать принятие какого-то решения.

Требуют объяснения и такие, казалось бы, малозначащие детали, как факт отсутствия императрицы на панихиде по усопшем государе в таганрогском соборе, а главное то, что ни она, ни ближайший друг и сподвижник Александра князь Петр Михайлович Волконский не сопровождали траурную процессию в Москву, а затем в Петербург. Если отсутствие императрицы можно было объяснить состоянием ее здоровья, то отсутствие Волконского в составе траурного кортежа необъяснимо. Только 21 апреля Елизавета Алексеевна выехала из Таганрога на север, чтобы через несколько дней (4 мая) умереть в Белеве. Умерла она в одиночестве, без свидетелей.

В одном из своих последних писем матери из Таганрога от 31 декабря императрица, между прочим, писала следующее: "Все земные узы порваны между нами! Те, которые образуются в вечности, будут уже другие, конечно, еще более приятные, но, пока я еще ношу эту грустную, брэнную оболочку, больно говорить самой себе, что он уже не будет более причастен моей жизни здесь, на земле. Друзья с детства, мы шли вместе в течение тридцати двух лет. Мы вместе пережили все эпохи жизни. Часто отчужденные друг от друга, мы тем или другим образом снова сходились; очутившись, наконец, на истинном пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. В это-то время она была отнята от меня! Конечно, я заслуживала это, я недостаточно сознавала благодеяние Бога, быть может, еще слишком чувствовала маленькие шероховатости. Наконец, как бы то ни было, так было угодно Богу. Пусть он соблаговолит позволить, чтобы я не утратила плодов этого скорбного креста — он был ниспослан мне не без цели. Когда я думаю о своей

судьбе, то во всем ходе ее я узнаю руку Божию".

Замечательно, что на протяжении всего цитируемого текста Елизавета Алексеевна ни разу не упомянула о смерти своего супруга.

Все эти детали, сопоставленные с теми, что уже стали объектом внимания исследователей — вроде таинственного ночного посещения императором перед отъездом в Таганрог Александро-Невской лавры, его всепоглощающей тоски, участившихся разговоров об отречении от престола, — могут лишь подчеркнуть неординарность событий, о которых идет речь.

Что касается старца Федора Кузьмича, то о его судьбе написано уже немало, и нет необходимости повторять весь его жизненный путь от первого о нем упоминания, относящегося к 1837 г., до дня смерти 20 января 1864 г. Специальный раздел своей книги под названием "Старец Кузьмич" посвятил сибирскому отшельнику Г. Василич в книге "Император Александр I и старец Федор Кузьмич (по воспоминаниям современников и документам)". Поскольку в этой книге собраны действительно многие заслуживающие внимания свидетельства относительно жизни Федора Кузьмича, я и намерен далее обратиться к ним, в особенности к тем, которые, на мой взгляд, были еще недостаточно исследованы.

Первое, о чем следует сказать, так это то, что и сторонники и противники тождества Александра I и Федора Кузьмича признают наличие неразгаданной тайны. Попытки разгадать эту тайну, предпринятые К. В. Кудряшовым, Н. Кнорингом и великим князем Николаем Михайловичем, так и оставили ее за семью печатями. Их предположения — не более чем гипотезы. Опираясь на сведения о блестящем образовании старца, прекрасном знании им жизни высшего петербургского света начала века, большой осведомленности в событиях Отечественной войны 1812 г., в том числе вступлении русских войск в Париж, К. В. Кудряшов, а затем Н. Кноринг высказали предположение, что под личиной старца скрывался исчезнувший из Петербурга в конце 20-х гг. при невыясненных обстоятельствах блестящий кавалергард,

герой военных кампаний против Наполеона Федор Александрович Уваров-второй. Великий князь Николай Михайлович, апеллируя к тем же данным, а также к некоторому внешнему сходству Федора Кузьмича с Александром I, высказал мысль, что в Сибири от глаз света скрылся внебрачный сын Павла I от Софьи Степановны Ушаковой, дочери сначала новгородского, а затем петербургского губернатора С. Ф. Ушакова, некто Симеон Великий. Но, как бы то ни было, все это лишь гипотезы.

По поручению великого князя Николая Михайловича в Сибирь, в Томскую губернию, где жил и умер старец, дважды ездил чиновник особых поручений Н. А. Лашков, результаты поездки которого Николай Михайлович обобщил в короткой справке: "Старец появился в Сибири в 1837 году, жил в различных местах, ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщим уважением окрестного населения (см. подробное донесение Дашкова) и никому не обнаруживая своей личности. Его не раз навещали духовные лица, местные архиереи и случайные путешественники, особенно после его окончательного переселения в Томск. А именно, в 1859 году, по приглашению томского купца Семена Феофановича Хромова старец Федор Кузьмич перебрался к нему на жительство, имея отдельную, скромную келью, где он и скончался 20 января 1864 года в глубокой старости. Старшая дочь Хромова, Анна Семеновна Оконишникова, живущая в Томске и любимица старца Федора, рассказывала Лашкову следующее: „Однажды летом (мы жили в Томске, а старец у нас на заимке, в четырех верстах от города) мы с матерью (Хромовой) поехали на заимку к Федору Кузьмичу; был солнечный чудный день. Подъехав к заимке, мы увидели Федора Кузьмича гуляющим по полю по-военному руки назад и марширующим. Когда мы с ним поздоровались, то он нам сказал: "Панушки, был такой же прекрасный солнечный день, когда я отстал от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на полянке". Еще говорила Анна Семеновна и о таком случае:

"Когда Федор Кузьмич жил в селе Коробейникове, то мы с отцом (Хромовым) приехали к нему в гости. Старец вышел к нам на крыльцо и

сказал: „Подождите меня здесь, у меня гости“. Мы отошли немного в сторону от кельи и подождали у лесочка. Прошло около двух часов времени; наконец из кельи, в сопровождении Федора Кузьмича, выходят молодая барыня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на покойного наследника Николая Александровича. Старец проводил их довольно далеко, и когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, чего он никому не позволял. Пока они не исчезли друг у друга из виду, они все время друг другу кланялись. Проводивши гостей, Федор Кузьмич вернулся к нам с сияющим лицом и сказал моему отцу: „Деды-то как меня знали, отцы-то как меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят“. Словам Анны Семеновны можно доверять, потому что она почти всегда была с Федором Кузьмичом, в год смерти которого (1864) она имела уже 25 лет от роду".

По другим данным известно, что А. Ф. Хромов, на заимке которого в последние годы своей жизни обитал Федор Кузьмич, дважды бывал в Петербурге при Александре II и Александре III и передавал во дворец какие-то бумаги, оставшиеся от Федора Кузьмича.

Всех, кто общался со старцем, поражал его внешний вид: высокий рост, чистое, замечательно белое лицо, вьющаяся седая борода, седые же вьющиеся волосы, окаймлявшие лысую голову, всегда чистая и опрятная одежда, яркая, правильная, образная речь.

Мы оставим в стороне все описанные и оспоренные случаи признания в старце Александра I. Они приводятся в работе Г. Василича. Обратим внимание на детали, и здесь ускользнувшие от исследователей.

Уходя из деревни Зерцалы на новое место жительства, Федор Кузьмич, по свидетельству очевидцев, поставил в местной часовне за иконой Богоматери раскрашенный вензель, изображающий букву "А" с короной над нею и летящим голубем.

Описание скромного жилища Федора Кузьмича там же, в Зерцалах, включает и сведения о том, что в углу его кельи над изголовьем постели рядом с иконами висел маленький образок с изображением Александра

Невского. Известно, что Александр Невский являлся святым императора Александра I, который и был назван в честь своего великого предка. И еще раз упоминание об Александре Невском в связи с личностью старца встречается в свидетельствах очевидцев. Вот как об этом пишет историк Г. Василич: "По большим праздникам, после обедни, Федор Кузьмич заходил обыкновенно к двум старушкам, Анне и Марфе, и пил у них чай. Старушки эти жили ранее около Печерского монастыря Новгородской губернии, между Изборском и Псковом, занимаясь огородничеством. Сосланные в Сибирь своими господами (кем именно — неизвестно) за какую-то провинность, пришли со старцем в одной партии. В день Александра Невского в этом доме приготавливались для него пироги и другие деревенские яства. Старец проводил у них все послеобеденное время, и вообще, по сообщениям знавших его, весь этот день был необыкновенно весел, вспоминал о Петербурге, и в этих воспоминаниях проглядывало нечто для него родное и задушевное. „Какие торжества были в этот день в Петербурге! — рассказывал он. — Стреляли из пушек, развешивали ковры, вечером по всему городу было освещение, и общая радость наполняла сердца человеческие...“.

Другие свидетельства отмечают обширные познания старца, владение иностранными языками; есть сведения о его активной переписке и о том, что он получал разного рода информацию о положении дел в России. Среди его корреспондентов значился барон Д. Е. Остен-Сакен, живший в Кременчуге. Письма старца к Остен-Сакену долгое время хранились в его имении в Прилуках (Киевская губерния). Однако обнаружить их не удалось: оказалось, что они исчезли из шкатулки, где лежали долгие годы. Кстати, барон был известным масоном, и контакты с ним Федора Кузьмича указывают на масонскую ориентацию старца. Заметим, что в свое время и Александр I был причастен к масонской ложе. Нельзя не заметить, что многие высказывания Федора Кузьмича о жизни, о людях близки воззрениям Александра в последние годы его жизни. Впрочем, они близки и любому другому просвещенному человеку. Известны его слова: "И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы,

только Богу угодно было одних наделить властью великою, а другим предназначалось жить под их постоянным покровительством".

По общему мнению, старец отличался большой добротой, отзывчивостью, охотно шел на помощь людям, то есть отличался теми же чертами, которые выделяли в бытность и Александра I. Старец с удовольствием учил детей грамоте, покорял взрослых своими беседами, рассказами, особенно о военных событиях 1812 г., о жизни Петербурга, но было замечено, что он никогда не упоминал при этом имени императора Павла I и избегал давать характеристики императору Александру. Южнорусские и малороссийские вкрапления в его речь вполне объяснимы долгой жизнью на юге, в частности, в Малороссии, как об этом свидетельствуют его связи сюжными монастырями, Киево-Печерской лаврой, с местом пребывания Остен-Сакена.

И еще две мелкие детали, не замеченные прежде, можно было бы отметить применительно к характеристике старца. Во-первых, он испытывал трогательную нежность к детям, особенно к девочкам: так, живя в деревне Коробейники, на пасеке крестьянина Латышева, он боготворил его маленькую дочку Феоктисту, а позднее, перебравшись на Красную речку, оказывал покровительство сироте Александре, которая познакомилась со старцем, когда ей было всего 12 лет, и оставалась его преданным другом долгие годы. Вспомним о трагических потерях Александра: сначала двух малолетних дочерей, а потом и своей любимой шестнадцатилетней дочери от Нарышкиной. Совпадения эти могут быть случайными, но они способны при известных условиях пролить свет на тайну личности Федора Кузьмича.

Во— вторых, однажды вспоминая о дне своего ухода из общества, он заметил, что в те дни стоял прекрасный солнечный день. Изучая записки императрицы о ноябрьских днях в Таганроге, я невольно обратил внимание на ее фразу, в которой Елизавета Алексеевна отметила необычайно теплую для того времени погоду. Здесь было 15 градусов по Цельсию.

Хотелось бы ввести в широкий оборот и иные факты, детали, которые в

совокупности могут приблизить нас к тайне старца Федора Кузьмича. Так, известно, что в семьях доктора Тарасова и графа Остен-Сакена панихиды по усопшему Александру I с 1825 г. не служились. Первая панихида по Александру в этих семьях была отслужена лишь в 1864 г., то есть после смерти старца Федора Кузьмича. Многие очевидцы свидетельствовали, что некоторые близкие к царю люди, в том числе В. П. Кочубей, отказались признать в усопшем Александра I. Была смущена и его мать Мария Федоровна. Специальная комиссия под председательством великого князя Николая Михайловича установила, что Николай I и Федор Кузьмич были в постоянной переписке. Она велась шифром, ключ к которому был обнаружен в семейном хранилище Романовых. Этот факт был доложен Николаю II.

Данные о сличении почерков императора и старца также противоречивы. Вопреки мнению великого князя Николая Михайловича, тождество почерков признал занимавшийся этим вопросом известный юрист А. Ф. Кони, а также генерал Дубровин, хорошо знавший почерк Александра I. Причем А. Ф. Кони был совершенно категоричен: "письма императора и записки странника писаны рукой одного и того же человека". Любопытно, что Николай I позднее уничтожил дневник Елизаветы Алексеевны, исчезла и переписка Федора Кузьмича с Остен-Сакеном.

Заслуживает внимания публикация документа барона Н. Н. Врангеля, писателя и публициста, который представил свидетельство сына известного психиатра И. М. Балинского — И. И. Балинского. Это записка, в которой И. И. Балинский передает рассказ швейцара Егора Лаврентьева, служившего в клинике его отца. До этого Лаврентьев долгие годы состоял при усыпальнице Романовых в Петропавловском соборе. Он-то и рассказал, как однажды ночью в 1864 г. в присутствии Александра II, министра двора графа Адальберга была вскрыта гробница Александра I, оказавшаяся пустой, и в нее был помещен гроб, в котором лежал длиннородый старец. Всем присутствовавшим при этой церемонии было приказано хранить тайну. Служители получили щедрое

вознаграждение, а затем были разосланы в разные концы России. Кстати, эта версия, идущая из семьи Балинских, хорошо была известна в русских эмигрантских кругах.

Вместе с тем имеются известия, что при последующих вскрытиях гробницы Александра I уже в XX веке обнаруживалось, что она пуста.

По данным генерал-адъютанта князя Л. А. Барятинского, Александр II, будучи наследником престола, встречался со старцем. Николай II, в качестве наследника престола, побывал на могиле старца, как, впрочем, и другие великие князья, посещавшие Сибирь. Известен интерес к этой проблеме Александра III.

По свидетельству Л. Д. Любимова, великий князь Дмитрий Павлович (который был близок с биографом Александра I великим князем Николаем Михайловичем) сообщил автору в Париже, что около 1914-1915 гг. Николай Михайлович в большом волнении признал, что на основании точных данных он пришел к выводу о тождестве императора и старца. Также Любимов сообщил, что в свое время Дмитрий Павлович поинтересовался мнением Николая II по этому делу, и император не отрицал реальностей существующей легенды.

Несомненно, что все эти детали ни в коей мере не могут рассматриваться в качестве решающих аргументов в определении личности старца Федора Кузьмича. Однако разгадывание такого рода тайны и не претендует на быстроту и однозначность ответов, здесь важна каждая мелочь, каждое, пусть и спорное, новое наблюдение, и думается, что этот небольшой экскурс будет небесполезным для тех, кто еще вернется к этой темной, но волнующей странице истории русской правящей династии.

Условности того допущения, которые сделал Н. К. Шильдер, а вслед за ним и некоторые другие историки, мы можем, конечно, и не принять, но несомненно одно: жизнь и смерть Александра I — это действительно драматическая страница русской истории; в еще большей степени — это драма живой человеческой личности, вынужденной сочетать в себе, кажется, столь несовместимые начала, как "власть" и "человечность"